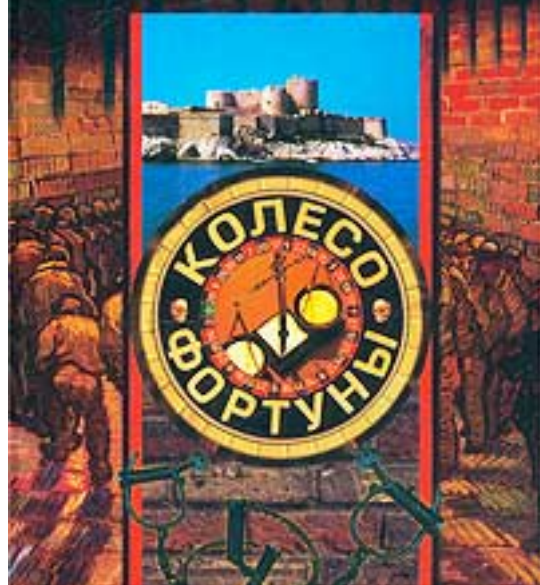

ДЕРЗКИЕ ПОБЕГИ

Алла Викторовна Нестерова
Дарья Владимировна Нестерова
Дерзкие побеги
Серия «Криминальные истории»

Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164410
Дерзкие побеги: Вече; Москва; 2003
ISBN 5-9533-0037-9

Аннотация

Нет такого узника, который с самой первой минуты своего заключения под стражу не мечтал бы о побеге. Но одно дело – мечтать, а другое – тщательно спланировать и осуществить задуманное. Чего только не изобретают заключенные, чтобы оказаться на воле: используют классические приемы графа Монте-Кристо, прыгают из окон, берут заложников, взрывают тюремные стены, угоняют служебные автомобили и самолеты, конструируют летательные аппараты и прыгают с шестом через ограждения... На страницах этой книги читатель найдет истории дерзких побегов исторических знаменитостей и легендарных личностей, отчаянных революционеров и сумасшедших, грабителей и мошенников, убийц и сексуальных маньяков, а также многих других людей, кто, оказавшись по тем или иным обстоятельствам за решеткой, по собственной инициативе вышел на свободу «досрочно».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Введение	4
Глава 1.	7
Бегство королевской четы	8
Воинственный корсиканец	15
Глава 2.	26
Загадки побегов Сталина	27
Побеги Железного Феликса	33
Тернистый путь к свободе	38
Прощай, каторга!	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дарья Владимировна Нестерова

Алла Викторовна Нестерова

Дерзкие побеги

Введение

Зачем бегут заключенные? В некоторых случаях на этот вопрос не могут ответить ни конвоиры, ни психологи, ни даже сами беглецы. Разумеется, вопрос относится только к истинным нарушителям закона: убийцам, грабителям, маньякам, аферистам и т. д., а не к тем несчастным, кто по стечению обстоятельств оказался в плену, концлагере или в заложниках. Для них побег – это единственный шанс выжить.

А вот как объяснить ситуацию, когда заключенные убегают из тюрьмы за несколько месяцев до освобождения или имея перспективу выйти досрочно? Пожалуй, причин, толкающих людей на этот отчаянный шаг, может быть множество. Кто-то бежит из мест лишения свободы из-за личной трагедии или узнав о беде, произошедшей дома, кто-то – за компанию с другими или не желая упускать «счастливый случай» и, наконец, есть категория заключенных, имеющих генетическую склонность к побегам (в их личных делах тюремные психологи даже ставят особые пометки). Кстати, специалисты утверждают, что весной, с приходом тепла, заключенные обычно всегда проявляют активность и количество побегов резко возрастает. Как бы то ни было, нам известно лишь одно: почти каждый заключенный с самого первого дня заточения мечтает о побеге.

Побеги из тюрем, лагерей, из-под конвоя, из зала суда и т. д. совершались всегда и везде. Во всем мире нет таких мест заключения, из которых осужденные не пытались бы вырваться на свободу. Пальму первенства по количеству побегов, а также их массовости уверенно удерживает Бразилия: из ее тюрем ежегодно в среднем заключенные убегают по два раза на день! И этому есть простое объяснение. Дело в том, что условия содержания в бразильских тюрьмах толкают на побег даже тех заключенных, кому и сидеть-то остается недолго, к тому же бразильский криминальный мир довольно щедро финансирует побеги арестантов. Пожалуй, самый популярный способ вырваться на свободу в Бразилии – это организовать тюремный бунт. Такое массовое «мероприятие», отвлекающее охрану и администрацию, позволяет бежать сразу десяткам заключенных.

Кстати, опытом бунтующих бразильцев недавно воспользовались заключенные Каменской колонии (Украина): 12 февраля 2001 года во время бунта бежали сразу 78 несовершеннолетних заключенных. Почти всех беглецов поймали в тот же день.

Кроме бунтов, в бразильских тюрьмах большой популярностью пользуется «метод графа Монте-Кристо». Почти в каждой тюрьме можно услышать захватывающий рассказ о каком-нибудь Педро или Арналдо, который ложкой или другими подручными средствами вырыли подземный ход и выбрались через него на свободу. Например, в тюрьме Карандиру в 2000 году во время проверки надзиратели нашли в один день 31 тоннель, выкопанный заключенными!

В бывших советских республиках первое место по побегам из тюрем занимает Грузия. Так, 1 октября 2000 года из тюремной больницы в Тбилиси сбежали сразу 12 опасных преступников, среди которых были и бывшие грузинские министры, участвовавшие в организации покушения на президента республики Эдуарда Шеварднадзе 9 февраля 1998 года.

Самым массовым в истории считается побег, который совершили в феврале 1979 года 11 000 узников тегеранской тюрьмы «Гаср» в Иране. А самый комичный в мире массовый

побег за последние пять лет осуществили преступники одной из тайских тюрем. Самое интересное, что огромную помощь заключенным оказал чемпионат мира по футболу 1998 года. Арестанты просто воспользовались тем, что все охранники были страстными любителями футбола и, не отрываясь, смотрели матч Германия–Румыния. В тот день 20 заключенных беспрепятственно покинули стены тюрьмы.

В США в настоящее время насчитывается более 1 миллиона заключенных. По данным американской статистики, ежегодно примерно 10 000 узников совершают побег или не возвращаются из тюремного отпуска. Причем каждого шестого из сбежавших властям не удается найти и вернуть в тюрьму.

А Россия в 2001 году отметила своеобразный юбилей – 600-летие со дня появления на Руси тюрьмы, из которой, кстати, в том же году был совершен первый в отечественной истории побег. В 1401 году в Новгородском княжестве отстроили первый каменный острог с пыточными помещениями и карцером. Камеры для заключенных усиленно охранялись, и сбежать оттуда, казалось, было невозможно. Но партия первых же узников показала, что не все так надежно, как представляется. Довольно быстро из застенков удалось выбраться местному жителю, арестованному за двойное убийство.

Российским Монте-Кристо в законе не дают покоя успешный побег героя Дюма и благополучно закончившиеся зоклочения Мотылька, и посему наши заключенные бегут, пытаясь вырваться на свободу любыми способами. Так, был случай, когда заключенный с большим сроком вышел на свободу вместо своего сокамерника, обменявшись с ним одеждой и выучив личное дело последнего. Правда, здесь огромную роль сыграло портретное сходство арестантов.

В любой российской тюрьме можно услышать один и тот же рассказ о побеге нескольких заключенных из подмосковного СИЗО. Несколько лет, изо дня в день, зеки поливали стенку камеры крепким чаем и наконец добились того, что кирпичная кладка рассыпалась.

А в Ейске в 1993 году из изолятора временного содержания сбежал некий Бехтер. Заключенный выкопал тоннель, через который глубокой ночью выбрался на улицу, прилегающую к территории тюрьмы. Спустя восемь лет, 23 октября 2001 года, его «подвиг» повторили еще двое арестантов – Алексей Усенко и Владимир Зинченко.

Всем известно, что в начале сентября 2001 года трое заключенных Бутырки развенчали миф о невозможности побега из этого мрачного заведения. Кстати, до них из Бутырской тюрьмы удавалось бежать лишь единицам, а именно иллюзионисту Гарри Гудини (который поспорил, что сбежит, даже скованный наручниками) да Железному Феликсу.

Но побеги из тюрем в России – довольно редкое явление. Чаше российские заключенные бегут, находясь вне тюрьмы, и в этом не последнюю роль играет его величество случай. Отчаянные арестанты пытаются ускользнуть от конвоиров во время различных передвижений по городу. Побег совершаются как прямо на улице (из-под стражи), так и из автозакон, из зала суда, из стационара и даже из прокуратуры.

Например, почти каждый заключенный правдами или неправдами стремится попасть в больницу не только для того, чтобы передохнуть на больничной койке от суровой барачной жизни, но и потому, что из лазарета сбежать намного проще, чем из тюремной камеры. Так, в 2000 году одна из заключенных, будучи на девятом месяце беременности, имитировала родовые схватки. Рожать женщину отвезли в обычную больницу (акушерского отделения в тюрьме нет). Оставшись в палате одна (охранника в предродовое отделение не пустили), арестантка, несмотря на большой срок беременности, прыгнула со второго этажа. Не менее дерзкий побег из тюремного отделения городской больницы города Электросталь совершил вор, который после оглашения приговора суда «получил» инсульт. Попав на больничную койку, арестант уже на следующий день сбежал из тюремного отделения клиники через окно туалета.

Довольно часто заключенные убегают прямо из здания суда, где сложнее соблюдать такие же строгие меры безопасности, как в СИЗО или колонии. Известны случаи, когда после оглашения приговора арестанты выпрыгивали в окно, брали в заложники охранника или даже спокойно выходили из здания суда и попросту растворялись в толпе.

В последнее время «окном свободы» для арестантов стали автозаки. Теоретически убежать из железной камеры на колесах, не имея ключа или оружия, невозможно, а чтобы взломать решетку или сорвать мощный замок, нужна богатырская сила. Но арестанты часто используют «момент неожиданности» во время посадки или высадки: бросают что-либо в охранников, выскакивают, пытаются пырнуть их припрятанной заточкой или порезать бритвой. Был случай, когда заключенные раскачивали машину до тех пор, пока она не перевернулась. От удара дверцы распахнулись, и арестанты вырвались на свободу. Несколько лет назад в Москве пять заключенных, вследствие ненадежности замка и невнимательности конвоиров, открыли дверцы и выпрыгнули из автозака на полном ходу.

Если говорить о наказании за побег, предусматриваемом Уголовным кодексом Российской Федерации, то оно регламентируется статьей 313. По факту побега всегда возбуждается уголовное дело: беглеца судят и выносят приговор. Самое суровое наказание – до 8 лет лишения свободы – предусматривается для тех заключенных, которые во время побега сплотили преступную группу, а также применяли оружие или угрожали его применить.

Как известно, из мест лишения свободы бегут, не только подкупая охранников или пользуясь подземными коммуникациями. Не все знают, что осужденные имеют право на отпуск (статья 104 Уголовно-исполнительного кодекса РФ), в соответствии с которым каждый работающий заключенный имеет право на 12 рабочих дней отпуска ежегодно. Правда, отпуск зекам предоставляется только в том случае, если они за год ни разу не нарушали тюремный режим и твердо встали на путь исправления. Итак, многие осужденные, уходя в отпуск, положенный им за примерное поведение, больше не возвращаются. Весь год они ждут этого шанса, позволяющего им сбежать: усиленно трудятся, хорошо себя ведут. Начальник, обманутый «раскаянием» заключенного, подписывает приказ о предоставлении последнему 12-дневного отпуска, а тот по истечении 12 дней обратно не возвращается. Как правило, беглецов всегда находят, даже через несколько лет. В подобном случае наказание регламентируется статьей 314 УК РФ и предусматривает до 2 лет лишения свободы.

Итак, они бегут... Бегут при малейшей возможности и даже, если шанс на успех всего лишь один из ста. Почему? Надеются, что их не поймают и им удастся начать новую жизнь или же продолжить прежнюю. Ведь почти каждый человек тешит себя всю жизнь мечтами и надеждами: кто-то надеется на чудо, на успех, на материальное благополучие, на взаимную любовь. И мы прекрасно понимаем таких людей, потому что сами часто думаем о том же. Но порой нам бывает сложно понять человека, который хочет от жизни всего лишь свободы. Той свободы, которой у нас, как говорится, хоть отбавляй. И невольно задумываешься: как больно, наверное, видеть во сне вольную жизнь, а проснувшись, убедиться, что это был всего лишь сон. Когда-нибудь боль достигает своего апогея и заставляет человека бежать, используя малейший шанс и любые средства.

Кстати, если для российских мест лишения свободы каждый побег является чрезвычайным происшествием и беглецов усиленно ищут, то, например, в Швейцарии и Голландии за побег вообще не наказывают и никаких облав на заключенного (если, конечно, он не опасный маньяк) не устраивают. Мол, сбежал, и бог с тобой! Возможно, тем самым власти дают человеку шанс. Шанс начать новую жизнь, оценив наконец, какое значение имеет это заветное слово – «свобода»!

Глава 1.

Побеги по-королевски

Невероятным образом складывалась судьба некоторых коронованных особ, переживших величие, почет и славу и закончивших жизнь либо на эшафоте, либо в изгнании. Но недаром говорится: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». И даже великие мира сего порой не в силах изменить трагический ход событий, полностью переменивших их жизнь. Ради своего спасения одни пытались бежать из государства, ставшего в одно мгновение палачом, другие, дабы вернуть утраченную власть, совершали побеги из ссылки, с риском для жизни возвращаясь обратно в свое отечество. Но не всегда эти побеги приносили желаемый результат и заканчивались благополучно. В тех случаях, о которых далее пойдет речь, скорее можно говорить о полном провале намеченного дерзкого мероприятия. Однако тем и любопытны эти несостоявшиеся побеги, что их планировали и совершали не простые смертные, а великие мира сего, которым, увы, так и не удалось осуществить побег по-королевски, с благополучным исходом.

Бегство королевской четы

Мог ли блистательный король Франции Людовик XVI когда-либо предположить, что будет свергнут с престола и что ему придется предпринять рискованный побег ради сохранения собственной жизни, который, впрочем, закончится неудачей.

Будущий король Франции был третьим сыном Людовика XV и принцессы Марии Жозефы Саксонской. На трон он взошел в 1774 году. Несмотря на то что дофин не получил серьезного систематического образования, ему удалось восполнить сей пробел благодаря великолепной памяти. Людовик XVI прекрасно овладел английским и латинским языками и приобрел неплохие знания в области истории и географии. Однако главным увлечением юного дофина было слесарное дело, это занятие будущий король не оставил и в более зрелые годы.

Людовик XVI

По своему темпераменту юный дофин совсем не походил на деда, известного любовными подвигами Людовика XIV, и всем придворным развлечениям предпочитал уединенные забавы вне дворца: охоту и прогулки. Не скрывая своего презрительного отношения к вольности нравов, царивших при дворе, и особенно откровенно выражая пренебрежение по отношению к всемогущей мадам Дюбарри, будущий Людовик XVI тем самым навлек на себя немилость деда.

Мария-Антуанетта

В 1770 году он вступил в брак с дочерью эрцгерцогини Марии Терезии и императора «Священной Римской империи» Франца I Лотарингского, австрийской принцессой Марией-Антуанеттой. В силу известных обстоятельств супруги некоторое время были связаны лишь формально, что доставляло немало горя Марии Антуанетте. Только после личной беседы Людовика XVI с братом жены Францем Иосифом, специально приехавшим во Францию, будущий король решился на несложную операцию, поправившую положение супругов. Возможно, оттого, что Людовик XVI чувствовал себя виноватым перед женой, все последующие годы их совместной жизни он был склонен подчиняться ее воле, но следует также отметить, что Людовик XVI вообще отличался крайней нерешительностью и мягкостью характера, его же супруга обладала, безусловно, более твердой волей.

На французский престол Людовик XVI вззошел в возрасте двадцати лет, 10 мая 1774 года. В это время страна уже переживала острый финансовый кризис, третье сословие решительно требовало от властей пересмотра системы налогов. Создавшаяся во Франции ситуация требовала немедленных действий, а распространенные в народе слухи о честности и доброте нового короля позволяли всем надеяться на политические и экономические преобразования, направленные в целом на удовлетворение потребностей граждан страны. И некоторые изменения действительно происходили. Людовику XVI были не чужды идеи Просвещения, поэтому с момента вступления на престол новый король поспешил избавиться от чересчур уж приметных и одиозных фигур предыдущего царствования. В отставку были отправлены канцлер Р. Н. Мопу, генеральный контролер финансов Ж. М. Терре и, конечно же, чуть ли не в первую очередь от двора была «отлучена» ненавистная Людовику XVI мадам Дюбарри. На пост первого министра новый король назначил царедворца Морепа. Хотя этот выбор оказался не совсем удачным, кое-какие попытки реформаторства были все-таки предприняты: придворные расходы существенно сократили, а также ликвидировали sinecеры и частично отменили феодальные права.

На пост генерального контролера финансов король назначил Анна Робера Тюрго. Новый финансист выдвинул целую программу финансовых преобразований, основанную на учении физиократов. Во-первых, Тюрго предлагал распределить подати равномерно. Во-вторых, он планировал распространить поземельный налог на привилегированные сословия. Затем Тюрго предлагал выкупить феодальные повинности, ввести свободу хлебной торговли, и, наконец, отменить внутренние таможи, цеха и торговые монополии. Что касается внутренних дел, то новое правительство провело ряд мероприятий, направленных в первую очередь на достижение равноправия гугенотов и национальных меньшинств. Кроме того, 12 ноября 1774 года Людовик XVI восстановил судебные-представительные учреждения – те самые парламенты, которые Людовик XV упразднил в 1771 году.

Однако положение Тюрго-реформатора было шатким, ведь ни духовенство, ни дворянство ни в коей мере не собирались лишаться своих привилегий. Вместе с тем возросло недовольство горожан, ведь либерализация цен на хлеб спровоцировала резкий скачок стоимости этого товара. Таким образом, реформы Тюрго поколебали авторитет финансиста в глазах короля и его приближенных, вследствие чего отставка главного контролера стала неизбежной. Хотя основная причина этого явления таилась не в ошибках самого Тюрго, а скорее в нерешительности короля и в недостатке его экономического образования.

Неуверенность монарха в правильном выборе реформаторского пути усиливалась под непрерывным давлением со стороны реакционеров. В результате король пошел на компромисс: он согласился отменить пережитки серважа в лично ему принадлежащих владениях, но не стал распространять эту меру на земли сеньоров. На полях проекта Тюрго о ликвидации привилегий Людовик XVI сделал примечательную запись: «Какое преступление совершили дворяне, провинциальные штаты и парламенты, чтобы уничтожить их права?» На место Тюрго он поставил одного из наиболее яростных его противников – банкира Жака Неккера. В течение нескольких лет тот пытался найти выход из создавшейся критической финансовой ситуации в стране, стараясь избежать радикальных мер. Тем временем привилегированные сословия успели объединиться в борьбе за свои права, и давление на короля с их стороны все усиливалось. Следствием всего происходящего при дворе явилась очередная отставка: в 1781 году Неккер был отстранен от занимаемой должности. Но это не спасло положения в стране: в государственных финансах воцарилась полная анархия, министры Калонн и Ломени де Бриенн уже никак не могли исправить создавшуюся ситуацию, им оставалось уповать лишь на займы. Однако система заимствований не могла покрыть дефицит бюджета, который к этому времени достиг невероятных размеров – 198 миллионов ливров в год.

Вместе с тем непомерно усилилась политическая реакция: сеньоры боролись не только за восстановление своих прав, на которые посмел посягнуть Тюрго, но и пытались реставрировать давно забытые привилегии, которыми пользовались раньше, отыскивая в архивах давно забытые документы. Так, теперь регламент допускал производить в офицеры только тех дворян, которые могли доказать свое благородное происхождение вплоть до четвертого колена. Выходцам из третьего сословия был полностью перекрыт доступ к высшим судебным должностям. Дворянство стремилось освободиться от уплаты податей, наложенных не только Тюрго, но и установленных Людовиком XIV. Церковная десятина распространилась на посевы кормовой травы и картофеля. В целом реставрация феодальных порядков привела к волне протеста со стороны третьего сословия и крестьян, поскольку теперь доверие к королевской власти было окончательно утрачено.

К обострению общественно-политической ситуации в стране привела Война за независимость в Северной Америке 1775–1783 годов, в которой Франция приняла активное участие. Поддержка своего рода революции таким абсолютистским государством, как Франция, вообще являлась противоестественным фактом, который, безусловно, отразился на состоя-

нии умов в государстве. По окончании этой войны французские офицеры во главе со знаменитым маркизом Лафайетом вернулись на родину, но к этому моменту они настолько прониклись идеями народного суверенитета, что особенно остро стали воспринимать ответственность власти перед обществом.

Тем временем финансовые проблемы Франции все более обострялись, банкиры с крайней неохотой выдавали новые займы государству. А сообщения о расточительности королевского двора (покупках новых замков, подарках принцам и придворным и пр.) лишь усиливали негативное отношение в обществе к власти. Как раз в это время появилось ставшее широко распространенным в народе прозвище королевы Марии-Антуанетты – мадам Дефицит. Но правительство все еще пыталось воздействовать на возрастающую общественную активность. Частично было реформировано провинциальное и местное самоуправление.

Власть интендантов была несколько ограничена: часть полномочий получили провинциальные собрания, однако данная реформа проводилась лишь в некоторых местах, поэтому не могла удовлетворить общих интересов.

Дабы найти выход из создавшегося затруднительного положения, было созвано собрание нотаблей, на котором состоялось утверждение всеобщего поземельного налога, штемпельного сбора и отмены дорожных повинностей. Но парижский парламент не принял эти постановления собрания, ссылаясь на расточительность королевского двора, и впервые выдвинул предложение созвать Генеральные штаты. Людовик XVI немедленно отреагировал, выслав некоторых членов протестующего парламента в Труа, а оставшихся заставил зарегистрировать постановления собрания нотаблей. Тем не менее король согласился созвать Генеральные штаты, но лишь при условии, что парламент утвердит заем на покрытие расходов за пять лет. Однако члены парламента вновь выступили против, отказавшись утвердить заем. После этого несколько членов парламента были арестованы, король издал эдикт об упразднении парламентов и об учреждении вместо них *cours plénieres*. В состав вновь созданных государственных структур вошли члены королевской фамилии, пэры, придворные, судебные и военные чины высшего ранга. Безусловно, что ликвидация парламентов как неких зачатков представительных органов вызвала взрыв возмущения в стране. Король, находясь под сильнейшим давлением общественного мнения, был вынужден освободить от занимаемой должности Ломени де Бриенна и назначить генеральным контролером финансов Жака Неккера, пользовавшегося большой популярностью в то время. Было проведено еще одно собрание нотаблей, которое также ни к чему не привело. После этого Людовик, поддавшись на уговоры Неккера, наконец решился созвать Генеральные штаты.

Собрание Генеральных штатов состоялось 5 мая 1789 года в Версале. Одной из главных проблем, стоявших перед депутатами, было решение вопроса: сохранить старую сословную форму собрания или же преобразовать его в совершенно новый представительный орган власти, который сумел бы выразить волю всего народа. Депутаты от третьего сословия, присутствовавшие на собрании, вскоре отделились и объявили себя Национальным собранием. Они призвали других депутатов, представителей духовенства и дворянства присоединиться к ним. Тем самым была нарушена многовековая традиция, утверждавшая Божественное происхождение власти королевской семьи и нерушимость воли самого короля. Теперь истинным сувереном Франции и ее единственным правителем был провозглашен сам французский народ, естественно, в образе его отдельных представителей в собрании.

Людовик XVI попытался вернуть утраченные полномочия и на заседании королевского совета предписал восстановить прежний порядок работы Генеральных штатов, но Национальное собрание отказалось повиноваться. Перед королем встал серьезный выбор: он мог либо ликвидировать Генеральные штаты, либо пойти на уступки и удовлетворить требования депутатов от третьего сословия. Венценосец выбрал последнее и признал законность

существования Национального собрания. Мало того, король выступил с обращением к депутатам от духовенства и дворянства, призывая их присоединиться к Национальному собранию.

Под давлением консервативно настроенной части правящих кругов (во главе с братьями короля герцогами Прованским и д'Артуа), сильно обеспокоенной развитием событий, приобретающих революционный характер, Людовик XVI решился собрать вокруг Парижа мощное войско численностью 30 тысяч человек. В это же время столь любимый народом Неккер был отправлен в отставку, что вызвало крайнее возмущение парижан, и 14 июля 1789 года в городе вспыхнуло восстание. Королевская тюрьма Бастилия, служившая своего рода символом власти, была взята штурмом, разъяренная толпа горожан растерзала нескольких чиновников и ни в чем не повинных откупщиков.

Вслед за этим восстанием были сформированы специальные отряды Национальной гвардии, призванные защищать идеи революции. Теперь сохранить ситуацию под контролем было просто невозможно, однако маршал Броуи все еще пытался убедить короля в благоприятном исходе. Он предлагал Людовику XVI лично возглавить войско и навести порядок в Париже, но король надеялся уладить все мирным путем: он всячески старался избежать открытых столкновений, дабы не ввергнуть страну в пучину гражданской войны. Появившись в Национальном собрании 15 июня, правитель Франции открыто заявил о своем единстве с народом. Король также приказал убрать войска из Парижа и его предместий. Он одобрил учреждение Национальной гвардии, побывав 17 июня в объехотой революционным пламенем столице Франции.

Казалось бы, король сделал все возможное для сохранения своей репутации, но вскоре всплыли новые факты, раскрывшие народу возмутительную завуалированную деятельность королевской четы. И если в первые революционные месяцы Людовику XVI еще хоть как-то удавалось влиять на развитие событий, согласуя их с интересами королевского дома, то позже это стало практически невозможно. С каждым днем власть уплывала из рук короля. Ситуацию не спас даже декрет Национального собрания об уничтожении феодальных прав сеньоров, утвержденный Людовиком XVI 18 сентября 1789 года. Революционные агитаторы выступали на парижских улицах с гневными речами, возбуждая против короля ненависть черни, кроме того, в столице вспыхнул голод, ставший следствием бездействия власти. В результате 5–6 октября 1789 года тысячи парижанок выступили с протестом. Пешком отправившись в Версаль и окружив королевский дворец, несчастные горожанки требовали хлеба. Король был вынужден переехать в Париж, где фактически находился на положении заложника. Людовик XVI теперь мог только наблюдать за революционными выступлениями со стороны. Не имея никакой возможности повлиять на ход событий, он словно впал в апатию.

Если на первых порах революционеры единодушно выступали за сохранение монархии, то теперь в воздухе витали идеи республики. Сторонников ограниченной монархии практически не оставалось, за исключением Жильбера Лафайета, который считал, что Людовик XVI прекрасно сможет выполнять роль конституционного короля. Но, несмотря на страстное желание Лафайета иметь в короле союзника, тот отвергал все его попытки найти компромисс: Людовик XVI никак не мог поверить в искренность побуждений легендарного героя американской революции.

Что же касается фактов, компрометирующих королевскую чету в глазах общественности, то они прежде всего касались деятельности супруги короля Марии-Антуанетты. Она изначально была против каких-либо преобразований в стране, теперь же ее противодействие выражалось гораздо ярче: она называла всех революционеров «продажными канальями» и единственным средством для сохранения престола и королевской власти считала борьбу с ними методом подкупа. Поскольку ее влияние на мужа в этот период особенно усилилось, ей удалось убедить короля в возможности улаживания всех проблем именно таким спосо-

бом. Щедро финансируя многих политических деятелей, в том числе и пламенных ораторов революции Мирабо и Дантона, Мария-Антуанетта, к сожалению, не достигла желаемого результата. Подарки от королевской четы не повлияли на идеи революционеров и тем более не помогли сгладить все нарастающее возмущение.

Поняв всю тщетность своих усилий, Мария-Антуанетта попыталась найти поддержку у иностранных держав, обратившись за помощью в первую очередь к Австрии и Пруссии. Королевская чета рассчитывала на то, что иностранные державы выступят против революционной Франции и в ходе войны помогут восстановить монархическую власть в стране и старые порядки. Именно для этих целей и была предпринята попытка бегства, чтобы за пределами Франции присоединиться к контрреволюционерам-эмигрантам.

План побега окончательно созрел к 1791 году. Само присутствие короля в Париже – революционной столице Франции – как бы придавало всем действиям народа законный характер. Реакционные силы, напротив, были деморализованы. Побег казался королевской чете единственно возможным средством спасения в сложившейся ситуации, и 20 июня 1791 года в час ночи Людовик XVI и Мария-Антуанетта, переодевшись, покинули дворец.

Маршал Булье должен был, по предварительному соглашению, обезопасить бегство с помощью войск. Король и королева получили подложные паспорта. Со свитой добравшись до бульвара, они сели в экипажи. Далее их путь лежал по направлению к Шалону и Монмеди.

Однако с самого начала отъезд был осложнен совершенно нелепыми обстоятельствами. Именно по этой, казалось бы несущественной, причине отъезд задержался на 24 часа, что изменило все прочие условия благополучного выезда за пределы страны и спутало планы, так тщательно продуманные заранее. Но королевский экипаж все-таки добрался до Сен-Мена, где в ход событий, вероятно, опять вмешался злой рок. Справедливости ради следует отметить, что причиной провала побега явилась, скорее, непредусмотрительность самого короля.

Внешность короля была известна каждому французу – на всех монетах и ассигнациях можно было увидеть изображение Людовика XVI. Во время бегства он посчитал лишним хоть как-то изменить свою весьма примечательную наружность, поэтому почтмейстер Друэ без труда узнал короля в беглеце, пытавшемся по чужому паспорту пересечь границу государства.

Почтмейстер Друэ, истинный якобинец по духу, посчитал бегство королевской семьи провокацией, которая должна была послужить сигналом к началу гражданской войны. Стремясь избежать этого бедствия, он приложил все усилия, чтобы задержать и вернуть эмигрантов. По дороге в Варенн, недалеко от границы, Друэ удалось обогнать королевский экипаж и остановить его. Постепенно к месту событий стеклась окрестная чернь, народ забил тревогу. Улица и мост через Эну были перекрыты. К несчастью для эмигрантов, драгунов Булье, призванных защищать короля с королевой, не оказалось на месте. Когда же маршал прибыл в Варенн, было слишком поздно – карета королевской семьи уже более полутора часов находилась на обратном пути к Парижу. По всей стране разнеслась молва о коварном бегстве короля.

Ответственность за побег лежала на Лафайете, поэтому он постарался как можно энергичнее действовать в такой решительный момент, дабы ликвидировать последствия неудачного мероприятия и хоть как-то спасти положение короля. Была придумана версия о том, что короля из страны якобы насильно вывезли враги революции, и выдвинуто требование привлечь к суду министров. К войскам отрядили комиссаров, чтобы привести солдат к присяге на верность Национальному собранию. Кроме того, повсюду были разосланы приказы о задержании всякого, кто посмеет пересечь границы королевства. Вскоре все узнали, что в Тюильри было найдено письмо, где король оправдывал свой отъезд. Вечером же 22 июня стало известно, что карета королевской четы задержана.

Бегство короля вызвало дальнейшее обострение революционной ситуации. Надеясь спастись, Людовик XVI попытался заявить о своей лояльности по отношению к революции, он даже присягнул на верность Конституции 1791 года. Все его официальные заявления носили характер осуждения действий контрреволюционной эмиграции. Но вместе с тем королевская семья продолжала поддерживать тайную связь с эмигрантами, и 20 апреля 1792 года Людовик XVI объявил о начале войны с Австрией.

Войска антифранцузской коалиции выступили против, бунтовщиков, но по мере их приближения к Парижу революционная истерия все более и более нарастала, пока 20 июня 1792 года толпа парижских санкюлотов не ворвалась в королевский дворец Тюильри. Правда, им не удалось добиться от короля подписания декретов о высылке не присягнувших революции священников и о создании в окрестностях Парижа военного лагеря для спасения столицы от австрийской и прусской армий.

Ситуация еще больше обострилась после заявления командующего австрийской армией герцога Брауншвейгского. Тот объявил, что разрушит весь Париж, если только революционеры посмеют причинить вред королевской семье. В результате 10 августа 1792 года вспыхнуло новое восстание в Париже. Разгоряченная толпа бунтарей захватила дворец Тюильри, королевская семья была арестована и заключена под стражу в тюрьму Тампль. Полтора месяца спустя, 21 сентября 1792 года, Законодательное собрание заявило о низложении короля и провозгласило Первую Французскую республику. Так Людовик XVI в одно мгновение из короля превратился в простого гражданина республики Людовика Капета. Революционные газеты с гордостью и торжеством сообщали об этом событии, не уставая подчеркивать нынешнюю незначительность некогда влиятельного короля.

Вскоре произошло важное событие, поставившее под угрозу не только репутацию короля, но и его жизнь: в ноябре 1792 года в Тюильри был обнаружен личный королевский тайник. В нем находились документы, явно свидетельствующие о двойной игре короля, который официально поддерживал действия революционеров, но втайне вел переписку с вражескими государствами и контрреволюционной эмиграцией. Открылся и факт подкупа влиятельных лиц государства с целью помешать деятельности революционеров и тем самым воспрепятствовать установлению нового режима. В результате 3 декабря Конвентом было принято решение о судебном преследовании бывшего короля. Его обвинили в заговоре против свободы нации и в покушении на национальную безопасность.

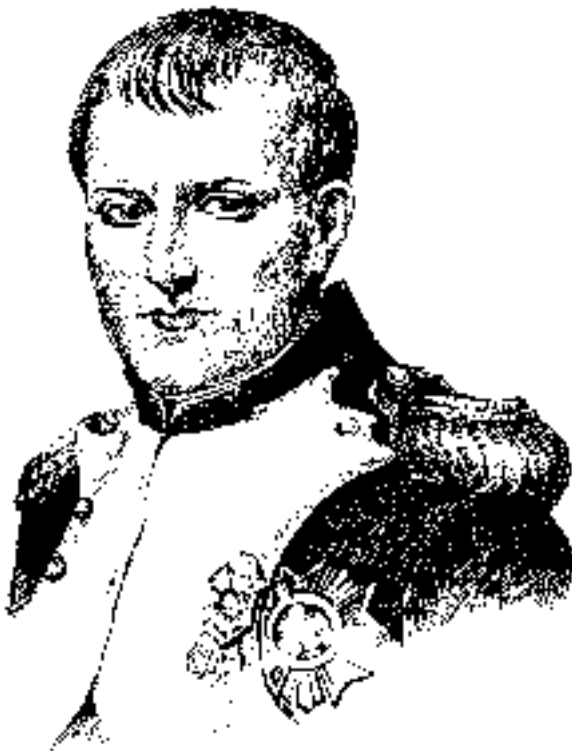
Людовик XVI был дважды допрошен (11 и 23 декабря) в Конвенте, но ни его ссылки на права, утвержденные конституцией, ни усилия жирондистов, пытавшихся спасти жизнь бывшему главе государства, не смогли повлиять на исход процесса. 19 января 1793 года состоялось голосование, на котором 380 депутатов Конвента выступили за утверждение смертного приговора, против было чуть меньше – 310 депутатов. Однако согласно большинству голосов приговор был приведен в исполнение. 21 января 1793 в Париже на площади Революции Людовик XVI был гильотирован. Не избежала казни и его супруга, Мария-Антуанетта.

Что же касается судьбы некоторых других французских вельмож, то некоторым из них все-таки удалось избежать гибели во время Великой французской революции. Так, монсеньор граф Прованский совершил более удачный побег, отправившись в опасное путешествие в обыкновенной, ничем не примечательной карете и двигаясь в противоположном направлении от маршрута короля. Он беспрепятственно достиг желанной границы и покинул страну, объятую пламенем революции.

Воинственный корсиканец

Судьба Наполеона, удачливого полководца, первого консула Франции, фактически сосредоточившего в своих руках всю власть, самолично провозгласившего себя императором, на протяжении многих столетий оставалась в центре всеобщего внимания. Этот человек, происходивший из небогатой корсиканской дворянской семьи Шарля и Летиции Буонапарте (всего в семье было 5 сыновей и 3 дочери), сумел подняться на вершину власти. Но мог ли он предположить, находясь в зените славы, что закончит свои дни в печальном заточении на острове Святой Елены и что ему предстоит целая череда неудачных попыток вернуть былую славу и величие? Только один из нескольких задуманных побегов действительно удался, хотя и не оправдал в полной мере надежд Наполеона. Почему удача отвернулась от этого любимчика фортуны и почему ни один из замышляемых им побегов так и не помог бывшему императору вернуть утраченную власть? Быть может, эти побеги не отличались хорошей организацией. Но, возможно, ответы на эти вопросы таятся на страницах всей летописи жизни воинственного корсиканца, и неудачи последних лет являются лишь закономерным завершением его безумного и необузданного стремления к вершине власти.

Карьера Наполеона на военном поприще была стремительной и весьма успешной. После окончания Королевской военной школы в Бриенне и в Парижской военной школы он получил чин лейтенанта. Известно, что в то время будущий император разделял якобинские взгляды, о чем свидетельствуют его публицистические произведения («Диалог о любви», 1791; «Ужин в Бокэре», 1793). Слава пришла к нему после великолепно проведенной военной операции по взятию Тулона: Наполеон был назначен начальником артиллерии войска, которое осаждало занятый англичанами город. После победы он получил звание бригадного генерала.

Наполеон Бонапарт

Далее последовал успех во время разгона роялистского мятежа в Париже (1795) после Термидорианского переворота. Бонапарт, несомненно, отличился среди прочих и стал командующим Итальянской армией. Именно в итальянском походе, в период с 1796 по 1797 год, полководческий гений Наполеона проявился в полной мере. Нищая, плохо вооруженная французская армия, но воодушевленная революционными идеями и возглавляемая таким талантливым и вдохновенным предводителем, как Наполеон, просто поражала австрийское командование своими молниеносными маневрами, и тому нечего было противопоставить подобной тактике ведения боя. Победы следовали одна за другой. Монтенотто, Лоди, Милан, Кастильоне, Арколе, Риволи – во всех эти городах восторженные итальянцы с радостью встречали армию Наполеона, ведь французы несли с собой свободу и равенство, избавляя Италию от ненавистного австрийского владычества. Австрия потеряла все свои ранее завоеванные земли в Северной Италии. Теперь здесь возникла новая, союзная с Францией Цизальпинская республика, а имя Бонапарта не сходило с уст, о его доблестной славе говорила вся Европа.

Уже на этом этапе, празднуя первые победы, Наполеон начал претендовать на исключительную роль и страстно добивался независимости. Поэтому-то правительство Директории с некоторым облегчением отправило самоуверенного полководца в египетскую экспедицию, длившуюся с 1798 по 1799 год. Французская буржуазия вознамерилась составить серьезную конкуренцию Англии, которая на тот момент очень активно утверждала свое влияние на отдельных территориях Азии и Северной Африки. Найти более подходящую кандидатуру, чем одержимый страстным желанием повсюду побеждать Наполеон, на роль полководца французской армии было просто невозможно. Но, несмотря на все усилия французов, египетская кампания так и не состоялась: победоносная армия не смогла закрепить свои права на отвоеванных территориях, поскольку не находила поддержки у местного населения.

Тем временем в Париже все более углублялся кризис власти: все завоевания Великой французской революции оказались под угрозой гибели, поскольку ставшая абсолютно коррумпированной Директория была не в состоянии сохранить их. Внешнеполитические события также осложняли ситуацию: русско-австрийские войска под командованием А. В. Суворова отвоевали все приобретения Наполеона в Италии. Возвратившийся в этот момент во Францию, уже ставший всенародным любимцем генерал во главе верной ему армии очень быстро разогнал представительные органы и Директорию и провозгласил режим консульства. Став первым консулом страны, Наполеон тем самым фактически сделался правителем: он сосредоточил в своих руках исполнительную власть, между тем законодательная власть, согласно новой конституции, делилась между Законодательным корпусом, Трибуналом, Государственным советом и сенатом. Таким образом, законодательная власть, разделенная между несколькими органами, была фактически лишена силы.

Что же касается исполнительной власти, то первые помощники Наполеона – второй и третий консулы – обладали лишь правом совещательного голоса. Новая конституция была встречена народом с энтузиазмом и одобрена на плебисците большинством голосов (около 3 миллионов голосов против 1,5 тысячи). Спустя два года, в 1802 году, Наполеон предусмотрительно решил провести через сенат декрет о пожизненном праве своих полномочий, а уже в 1804 году он провозгласил себя императором Франции.

Приход к власти Наполеона был ознаменован новыми победами. Дабы вновь отвоевать у Австрии и Англии утраченные земли, Наполеон совершил очередной итальянский поход, который мало чем отличался от первого. Когда французская армия, пройдя через Альпы,

неожиданно появилась на территории Северной Италии, местное население с восторгом, как и прежде, приветствовало освободителей.

Дальнейшая деятельность Наполеона на политическом поприще заключалась в укреплении личной власти, которая являлась своего рода гарантом сохранения завоеваний революции. Чтобы закрепить достижения республики – гражданские права, право собственности на землю крестьян, а также тех, кто купил во время революции конфискованные земли эмигрантов и церкви, в 1804 году Наполеон издал Гражданский кодекс. В историю он и вошел как кодекс Наполеона.

Была также проведена и административная реформа: создан институт подотчетных правительству префектов департаментов и субпрефектов округов, по городам и деревням разосланы мэры. Для надежного хранения золотого запаса и эмиссии бумажных денег Наполеоном был учрежден Государственный французский банк. Причем следует заметить, что все административные и правовые реформы, проведенные Наполеоном, оказались долговечными. Некоторые из них действуют и поныне во Франции, другие послужили основой для формирования политической структуры современного государства. В данной связи можно упомянуть и систему средних школ (лицеев и высших учебных заведений), которая возникла в период правления Наполеона, а Нормальная и Политехническая школы и по сей день остаются наиболее престижными во Франции.

Чтобы в полной мере воздействовать на общественное мнение, Наполеон ликвидировал основную часть парижских газет (160 из 173), над оставшимися же установил правительственный контроль. Далее Наполеон заключил конкордат с Папой Римским, после чего Рим признал новую французскую власть, объявив католицизм преобладающей религией в государстве, хотя по-прежнему действовала свобода вероисповедания. Интересен тот факт, что епископы назначались с ведома правительства, а деятельность каждой отдельной церкви строго контролировалась органами власти.

Реформы в области экономики заключались главным образом в обеспечении первенства французской промышленной буржуазии на общеевропейском рынке. Однако на тот момент преобладающей страной оставалась Англия, что объяснялось успешно прошедшей здесь индустриальной революцией. Кроме того, Англия являлась инициатором создания коалиции против Франции. Крупнейшие европейские державы, в том числе Австрия и Россия, вошли в коалицию. Военные действия на континенте были профинансированы именно англичанами.

Дабы утвердить первенство Франции, Наполеон вначале запланировал непосредственную высадку на Британские острова. Но Англия владела более сильным морским флотом, доказательством чему послужило поражение французского флота во время Трафальгарской битвы в 1805 году (англичан тогда возглавлял адмирал Нельсон). Спустя всего только месяц уже под Аустерлицем (ныне город Славков в Чехии) Наполеон сумел нанести ответный удар по армии противника, в результате чего объединенные австрийские и русские войска потерпели полное поражение. Очередная победа Наполеона и стремительный рост его влияния во Франции вызвали некоторую панику. Теперь против Франции выступила и Пруссия, но довольно быстро была побеждена в решительной битве при Иене. В 1806 году французские войска вошли в Берлин. Что касается России, то русская армия хотя и нанесла сильный урон французам во время битвы при Прейсиш-Эйлау в 1807 году, но немного позже была побеждена в битве при Фридланде.

В результате в 1809 году в состав Франции уже входили значительные территории Бельгии, Голландии, Северной Германии и отдельные части Италии. Оставшаяся незавоеванной часть Италии, центр Европы и Испания превратились в королевства, находящиеся в зависимости от воли Наполеона: во главе этих государств были поставлены ближайшие родственники Наполеона. Пруссия и Австрия, лишившись существенной доли земель, были

вынуждены пойти на компромисс и заключить союз с императором Франции, что сделала и Россия в 1807 году. Но уже в 1806 году, после серии побед, Наполеон подписал декрет о континентальной блокаде, который запрещал всяческие торговые сношения стран-союзниц с Англией.

Несомненно, это явилось сильнейшим ударом по экономике Англии, ведь Европа была основным рынком сбыта всех английских товаров. И не только английских, но и колониальных, главным поставщиком которых долгое время оставалась Англия как одна из крупнейших морских держав мира. Спустя всего год в Англии разразился первый кризис, затронувший в первую очередь текстильную промышленность. В результате английская валюта резко обесценилась, что сказалось и на экономике континента, ведь французская промышленность в то время еще была не в состоянии заменить на европейском рынке английскую. Экономический кризис коснулся и французских портовых городов – таких, как Ла-Рошель, Марсель и некоторые другие. Из-за нарушения торговых связей с английскими колониями из продажи постепенно исчезали ставшие привычными колониальные товары – кофе, чай, сахар и пр. Все это, несомненно, вызывало недовольство населения. В целом в стране формировалась оппозиция по отношению к политике правительства.

Если в первые годы правления Наполеона проводимая им политика пользовалась всеобщей поддержкой и одобрением (и не только собственников, но и малоимущих представителей общества), то теперь все больше появлялось противников правительства. В начале правления Наполеона возникло благоприятное оживление в экономике страны, вызвавшее рост зарплат, этому способствовали и регулярные наборы в действующую армию. Многочисленные победы Франции вызывали чувство гордости за нацию, а сам Наполеон в глазах соотечественников выглядел спасителем родины. Симпатию вызывало и окрашенное в романтические тона прошлое Наполеона, ведь он был как бы сыном революции. Кроме того, маршалы и блестящие военачальники, окружавшие Бонапарта, происходили подчас из самых низших слоев общества, что в целом создавало ощущение истинной народности политического аппарата власти.

Но постепенно неоспоримый авторитет Наполеона утрачивался, народ начал уставать от войны, которая длилась уже почти 20 лет. Все, что касалось военных тем, теперь вызывало недовольство, в том числе и систематические наборы в армию. А разразившийся в 1810 году экономический кризис лишь обострил ситуацию. Многие представители буржуазии осознавали, что Франции не удастся удержать в экономической зависимости всю Европу. Таким образом, военные операции в Европе теряли всякий смысл, тем более что безопасности Франции уже ничто не угрожало. Не удивительно, что французская буржуазия все чаще возмущалась неоправданными затратами на военные действия, которые теперь велись скорее из личных целей императора: Наполеон стремился обеспечить интересы династии, распространяя власть с помощью армии.

Дабы упрочить свое положение, он даже развелся с первой женой, Жозефиной, не подавшей императору наследника, и вторично вступил в брак, женившись на дочери австрийского императора Марии-Луизе. Однако этот брак не пользовался особой популярностью во Франции, и даже рождение наследника в 1811 году не повлияло на укрепление авторитета императорского величия.

Тем временем в Германии и Испании возникали патриотические движения. Союзники Наполеона, против своей воли принявшие континентальную блокаду, совсем не стремились строго соблюдать предписанные им правила. Напряженность между странами-союзницами возрастала, все более обострялись противоречия между Францией и Россией, которые закончились полным разрывом отношений этих стран. Мог ли предположить тогда Наполеон, что его решение развязать войну с Россией приведет к полному краху его империи, к дальней-

шему изгнанию, к побегу и неудачной попытке вернуться к власти, к печальной ссылке на остров Святой Елены и к целой серии так и несостоявшихся побегов?

К началу Отечественной войны 1812 года огромная армия Наполеона, разноплеменная по своему составу, лишенная патриотического пыла и проникновенного революционного духа, уже не обладала той безудержной победоносной силой, которая помогла бы успешно решить исход новой войны. Войска Наполеона будто бы затерялись на бескрайних просторах России, вслед за первыми победами последовала череда поражений, армия завоевателей таяла буквально на глазах, пока наконец полностью не рассеялась. Успешное продвижение русских войск все дальше на запад создавало благоприятную обстановку для роста антинаполеоновской коалиции, и уже в так называемой Битве народов под Лейпцигом против поспешно собранной новой французской армии выступили вместе русские, шведские, прусские и австрийские войска. Битва продолжалась с 16 по 19 октября 1813 года и закончилась поражением Наполеона. А после вступления армии союзников в Париж во Францию вернулись Бурбоны и вельможи-эмигранты, рассчитывающие вернуть утраченное в годы революции имущество. «Республика невозможна!» – провозгласил Талейран во время переговоров с главами стран-победителей. По словам Талейрана, «регентство и Бернадот не более чем интрига; только Бурбоны представляют собою принцип».

Итак, дальнейшая судьба императора была предрешена. В надежде спасти свою жизнь и поправить положение семьи, а также укрепить позицию династии Наполеон ухватился за последнее средство: он добровольно отказался от престола. И хотя бывший император располагал пятидесятитысячным войском, собравшимся в Фонтенбло, все солдаты которого готовы были драться за него, увы, их командиры уже не горели желанием воевать. Под их влиянием Наполеон и подписал 11 апреля отречение от престола за себя и членов своей семьи. В ночь на 12 апреля он хотел отравиться, но попытка самоубийства оказалась неудачной. Наполеон лишился своей империи. Ему предложили удалиться на остров Эльбу (причем с титулом императора), назначили 2 миллиона франков ренты и отрядили в распоряжение 400 человек гвардии.

Это решение дальнейшей судьбы Наполеона выглядит по крайней мере странным, ведь можно бы предположить, что вряд ли гениальный полководец и талантливый правитель так легко откажется от своей империи, тем более что у него оставались союзники, способные оказать необходимую помощь. Но пока Наполеон был вынужден проститься со своей гвардией в Фонтенбло (сцена прощания произвела на многих солдат неизгладимое впечатление) и отправиться в изгнание. Во владении некогда самого могущественного правителя Европы оставался лишь маленький островок Эльба в Средиземном море.

В сопровождении нескольких комиссаров-союзников он двинулся на юг. Примечательно, что во время своего путешествия Наполеон был крайне опечален, встречая повсеместно возбужденные и раздраженные толпы народа, гневно выкрикивающие вслед бывшему императору оскорбительные реплики. Чтобы хоть в какой-то мере обезопасить путешествие, ему приходилось даже переодеваться, используя в качестве камуфляжа мундиры своих победителей, и выдавать себя то за русского, то за австрийского офицера.

Между тем прибывший в Париж младший брат Людовика XVI, граф д'Артуа, именем Людовика XVIII объявил себя главным наместником. Во главе всего заговора был, безусловно, Талейран, возглавлявший выборный комитет и занимавший пост вице-президента сената. В некоторой степени он был единственным, кто обладал хоть какими-то законными правами, позволявшими ему вершить дальнейшую судьбу страны. Талейран поспешно собрал сенат, состоящий всего из тридцати человек, и совместно с ним наспех сочинил несколько основных постановлений, в результате чего получилось нечто вроде конституции. Находившиеся тогда в Париже члены законодательного учреждения достаточно быстро

утвердили эту конституцию, согласно которой принц Людовик Станислав Ксаверий якобы возвращался нации.

Но сей документ не имел ни малейшего успеха: принц, вернее, король (тот самый принц Людовик Станислав Ксаверий) объявил, что документ является «необдуманным творением», и отказался утверждать его основные положения. Это не помешало Людовику XVIII на основании права, данного ему от рождения, торжественно вернуться в Париж как королю Франции и Наварры.

Спустя некоторое время, а именно 30 мая 1815 года, был торжественно подписан первый Парижский мирный договор между Францией и четырьмя государствами-победителями. На первый взгляд действительно казалось, что эти государства вели войну только с Наполеоном. Согласно договору, Франция сохраняла территориальные границы 1 июня 1792 года и даже прибавляла к ним еще 150 кв. миль. В статье 18 было оговорено, что союзники отказываются от всех сумм, которые они могли с полным правом потребовать возместить начиная с 1792 года. Далее, в 32-й статье, звучал призыв к собранию уполномоченных всех государств – участников войны – на конгресс в Вене, где предлагалось утвердить новое политическое устройство европейских государств, совершенно искаженное за годы существования империи. Причем в отдельной статье было указано, что Франция лишается права участия в решении этого вопроса.

Долгожданный конгресс правителей и уполномоченных открылся 3 ноября в Вене. Это было поистине грандиозное собрание, какого не случалось со времен больших сеймов Римско-Германской империи времен Гогенштауфенов. Конгресс сопровождался всеми возможными удовольствиями придворной жизни. Томительные годы военных распри остались наконец позади, и теперь все жаждали легкомысленных и шумных развлечений, дабы в полной мере насладиться всеми прелестями мирной жизни, хотя участникам конгресса приходилось попутно решать и достаточно серьезные вопросы, которых накопилось немало. Необходимо было рассмотреть интересы тех лиц, которые пострадали в годы великих потрясений, и тех, кто был намерен провести некое важное мероприятие. Члены уничтоженных монашеских орденов, знатные вельможи, рыцари, католическое духовенство, владетельный дом Турн и Таксис, хлопотавший о своей почтовой привилегии, фамилия Паппенгейм с ее наследственным правом государственного маршальства, адвокаты и прокуроры старинного имперского суда, требовавшие вознаграждения, – словом, все те, кто имел свои претензии к революции и империи, обращались к собранию, скромно умоляя и выпрашивая или угрожая и требуя.

Постепенно все насущные вопросы были решены, отдельные требования удовлетворены, конфликты улажены, хотя по-прежнему оставались нерешенными две проблемы, которые представляли, пожалуй, наиболее серьезную опасность. Эти проблемы касались польского и саксонского вопросов. Кроме того, оставался практически неразрешимый вопрос об устройстве Германии. Князь Меттерних, главный министр Польши, старался защитить интересы страны. При этом он использовал все возможные средства: интриги, ложь и т. д. Россия требовала, чтобы ей отдали всю Польшу. Пруссия была солидарна с Россией и поддерживала ее требования, однако Англия и Австрия были против. Франция, несмотря на известную тайную статью, присоединилась к двум последним странам. Талейран, как министр французской революции и империи, даже нашел определение для такого понятия, как государственное или народное право, обозначив его *legitimite*.

Что касается саксонского вопроса, то сложность заключалась в том, что Пруссия претендовала на управление этим государством. Саксонский король оставался верен Наполеону до самого конца, и когда Лейпциг был завоеван, то он просто попал в плен, оттого и не мог более оставаться союзником Наполеона. Еще тогда прусский правитель принял на себя управление страной, но теперь многие другие государства открыто выражали свой протест

против претензий Пруссии на Саксонию. Император Франц, например, говорил: «Жестоко свергнуть государя с престола!» Подобного мнения придерживались и другие правители, считая саксонского короля законным государем.

Вообще вопрос о законности носил весьма расплывчатые очертания, поскольку за ним часто скрывались враждебные отношения между державами. Так, например, Австрия уже на протяжении нескольких десятилетий враждовала с Пруссией и, безусловно, теперь занимала противоположную позицию в саксонском вопросе. Такое же соперничество существовало и между среднегерманскими государствами Баварией и Вюртембергом. Согласно народному праву, государи этих держав были не столь виновны, как саксонский король, однако по законам нравственности их вина была бесспорной, ведь было даже перехвачено письмо вюртембергского короля Наполеону, где он выражал надежду вновь встать под знамена императора.

Англия постепенно перекинула свое недовольство и на Пруссию. Так сложилось, что оба вопроса – и саксонский, и польский – настолько тесно переплелись, что в результате даже возник альянс трех государств – Англии, Австрии и Франции. Этот союз был создан как бы в пику России и Пруссии для защиты «от недавно заявленных притязаний».

Кроме всего прочего, во Франции складывалась весьма неблагоприятная ситуация, призывавшая могущественные державы также задуматься о ее дальнейшей судьбе. Династия Бурбонов, вновь занявшая французский престол, была не в состоянии управлять страной, претерпевшей за последние 20 лет многочисленные потрясения и изменения. Высшее общество с Бурбонами во главе сохранило свое прежнее мировоззрение, которое было просто несовместимо с современным состоянием общества. Возвращение имущества и привилегий вернувшимся из эмиграции аристократам вызвало недовольство и даже страх во французском обществе, особенно в армии. Для установления мира и согласия во Франции, для умирения народа требовались и мудрость, и твердость, и кротость – те качества, которыми обладали далеко не многие государи и правители. Именно этих качеств и не хватало вновь вернувшимся Бурбонам.

Чтобы предотвратить возможность новой катастрофы, которая вполне могла разразиться в этой необузданной стране, конгресс поспешил составить взаимное соглашение между странами-участниками. Был создан проект компенсации военных издержек для Пруссии, одобренный Австрией и принятый конгрессом. После решения саксонского вопроса дальнейшая работа конгресса во многом стала легче, но как раз в этот момент князь Меттерних (польский министр) получил депешу из Генуи, где сообщалось о бегстве Наполеона с острова Эльбы.

Прибывшие на следующий день рано утром курьеры подтвердили это тревожное сообщение. У Наполеона нашлось достаточно предложений для совершения побега. Во-первых, обязательства подписанного им договора в Фонтенбло не исполнялись. Во-вторых, Наполеон знал о тех разногласиях, которые царили на конгрессе (императора на Эльбе регулярно извещали о ходе собрания), и он надеялся воспользоваться сложившейся ситуацией. Завоевать расположение населения Франции можно было либеральными речами, Европу же он мог успокоить обещанием мира. В конце концов, Наполеон, будучи узником острова Эльба, никогда не отказывался от права развязать новую войну, дабы вернуть себе утраченные привилегии. Было трудно представить себе Наполеона в образе смиренного и кроткого изгнанника, ожидающего своего конца в скромном одиночестве.

Покинув остров 26 февраля, Наполеон вместе с небольшой армией, состоявшей из 900 человек, 1 марта высадился на берег недалеко от Канна. Народ с восторгом встречал своего бывшего императора, и с каждым днем армия Наполеона росла. Даже те войска, которые были направлены против него, в результате перешли на его сторону. Отважные воины все еще были увлечены именем славного полководца-победителя и прелестью недавних побед.

О продвижении Наполеона по стране писали все газеты: 7 марта он прибыл к берегам Прованса, 11 марта Бонапарт вошел в Гренобль, 17-го был торжественно принят народом в Лионе, а 20-го его императорское величество ожидали встретить в Тюильрийском дворце. Бурбонский двор бежал, и встречаемый восторженными криками ликующей толпы Наполеон вошел в Париж. Итак, война возобновилась, но Наполеон не предугадал, что Франция уже не в силах была нести ее бремя. В историю этот период, насыщенный разнообразными событиями, вошел под названием «Сто дней».

Известие о триумфальном шествии Наполеона по стране лишь сплотило участников конгресса, и вскоре представители европейских держав обнародовали воззвание, призывавшее выступить против нарушителя спокойствия. Все требования Наполеона были категорически отклонены даже без их обсуждения. Увы, среди населения Франции бывший император также не нашел поддержки, на его стороне оказались только войска, причем на уровне низших чинов. Никого уже не могли обмануть обещания тирана: выдвинутые им новые либеральные законы, добавочные статьи к конституции империи. Каждый здравомыслящий человек понимал, что правление Наполеона никогда не сможет быть конституционным.

Оставался только единственно возможный способ разрешения создавшейся конфликтной ситуации – с оружием в руках. В распоряжении Наполеона было войско численностью в 270 тысяч человек и один союзник – безумный неаполитанский король Иоахим, который вновь перешел на сторону бывшего императора. Недавняя измена Иоахима, увы, не помогла ему сохранить свой престол, и, оскорбленный несправедливостью конгресса, он под знаменем Наполеона направил свои войска в Северную Италию.

Знатоки военного дела считают, что, если бы Наполеон находился во Франции и вел защиту оттуда, у него было бы гораздо больше шансов выиграть войну. «Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собой лучше завоевателя города», – так гласят притчи Соломона. Но такая позиция противоречила пылкой натуре Бонапарта, и первое, что он решил сделать, – это напасть на правый фланг союзников. Наполеон рассчитывал сделать решительный прорыв, прежде чем вокруг границ государства соберется подавляющая масса войск противника. На правом же фланге на тот момент располагались две армии. Обе находились в Нидерландах, их возглавляли герцог Веллингтон и Блюхер (новый князь фон Вальштадта). Численность первой армии составляла 95 тысяч человек, второй – 130 тысяч. Именно этому правому флангу и посчастливилось сыграть решающую роль в исходе последней войны Наполеона.

12 июня Наполеон покинул родной Париж, а 14-го он вместе с армией, готовой к бою, находился уже при Шарлёруа. Изначально планировалось не допустить соединения двух армий противников, так как разбить каждого по отдельности было бы гораздо легче. Но привести в исполнение этот неплохо задуманный план Наполеону, утратившему былую сноровку, так и не удалось. Было потеряно много времени, а ведь известно, что время – одно из главных условий победы.

От Шарлёруа на север и северо-восток вели две дороги. На одной, восточной, на Намюр и Люттих, стояла армия Блюхера; на другой, западной, на Брюссель, располагался Веллингтон со своим войском. Линия их соединения проходила с востока на запад и была обозначена ориентирами Сомбрефф и трактир «Quatre bras». Часть армии Наполеона под предводительством Нея направилась по брюссельской дороге на запад. Недалеко от трактира «Quatre bras» она столкнулась с войсками Веллингтона, здесь и произошло первое сражение. Сам же Наполеон вел основную битву при Линьи, сражаясь с армией Блюхера.

И хотя Наполеон начал свое наступление достаточно поздно (между двумя и тремя часами), ближе к ночи ему все-таки удалось одержать победу. В результате ожесточенного боя прусская армия потеряла 12 тысяч человек и 21 орудие, сам Блюхер, главнокомандующий армией, получил ранение. Однако Наполеон допустил еще одну ошибку, отказавшись от

преследования врага. Победа вскружила ему голову. Тем временем прусские войска направились на северо-запад, отказавшись от ранее намеченного передвижения к Намюру. Уже к вечеру 17 июня Блюхер собрал в Ваврэ два корпуса из трех, принимавших участие в сражении. Ему оставалось дожидаться Бюлова, после чего он планировал 18 июня направиться навстречу Веллингтону. Как позже выяснилось, день 17 июня вообще оказался роковым для армии Наполеона, поскольку бывший император не предпринял в этот день никаких действий, его же противники как нельзя лучше воспользовались предоставленным в их распоряжение временем.

Веллингтон, ожидая нападения Наполеона, расположил свое войско на высотах Сент-Жан, к югу от Брюсселя. В его армии на тот момент было 68 тысяч человек, из них 24 тысячи составляли англичане, прекрасно подготовленные и испытанные воины, командование над которыми осуществляли опытные военачальники, 30 тысяч – немцы, состоявшие на английской службе, из Ганновера, Брауншвейга и Нассау, а оставшиеся 14 тысяч – нидерландцы. Наполеон надеялся одолеть и этого врага, но обстоятельства сложились иначе. Направленный им против Блюхера маршал Груши пытался встретить противника на пути к Намюру, между тем армия Блюхера двигалась, как уже ранее было сказано, на северо-запад, на помощь армии Веллингтона. Свое наступление Наполеону пришлось отложить практически до полудня, поскольку с утра шел дождь и размякшая почва замедляла любое передвижение. Когда же вдали показались войска Бюлова, армия Наполеона пошла в наступление. Горячие атаки кавалерии и пехоты отражались противником холодно кровно, но ближе к шести часам французам все-таки удалось занять важную позицию – поселок Ла-Ге-Сэнт, расположенный неподалеку от центра Веллингтона. Ослабленная после тяжелого пятичасового боя армия Веллингтона уже с трудом отражала атаки и вряд ли смогла бы выдержать очередное нападение. По словам английского герцога, его армии оставалось надеяться только на «Блюхера или ночь».

Прусская армия действительно была уже недалеко. Корпус Бюлова выступал первым и шел впереди, но размытые дороги мешали быстрому движению. Ближе к половине пятого пополудни первые прусские пушки ударили по правому флангу французов, огонь усиливался по мере притока прусских войск. Против них французами был направлен корпус графа Лобау. Но после недолгого сражения он был вынужден отступить к селению Плансенуа, расположенному поблизости от центра французов. Здесь произошел еще один жаркий бой, в результате которого к семи часам вечера полуразрушенное селение опять перешло в руки французов.

Из свежих сил в запасе у Наполеона оставалась лишь гвардия в 5 тысяч человек, рассчитывать же на помощь войска Груши он не мог, поскольку оно было направлено против Блюхера. Положение складывалось настолько серьезное, что было бы лучше отложить сражение на следующий день, но Наполеон не хотел медлить. Около восьми часов вечера он направил против позиции Веллингтона свой последний резерв. Его наступление было начато шквальным картечным огнем из Ла-Ге-Сэнта. Французам еще раз за этот день удалось отбросить передовую линию противника, уже изрядно поредевшую, но навстречу гвардии в этот момент выступил сам Веллингтон во главе нескольких немецких батальонов. Как только четыре батальона гвардии Нея подошли к передовой линии, английский главнокомандующий отдал приказ полку англичан идти в атаку. И вслед за их наступлением последовала молниеносная атака в штыки. Французы были отброшены почти по всей линии фронта. Сражение можно было уже считать проигранным, поскольку в этот день прусская армия захватила селение Плансенуа.

Армии союзников окружили Наполеона с двух сторон и соединились недалеко от центра французской позиции, у мызы *La belle alliance*. Война Наполеона была окончательно проиграна после битвы при Ватерлоо (английское название селения, где находился главный

штаб герцога Веллингтона). Блюхер и Веллингтон приняли решение двигаться дальше к Парижу. Начальник штаба прусской армии Гнейзенау продолжал преследование бегущего врага, что, впрочем, окончательно расстроило его армию.

В целом союзники понесли большие потери: британские войска (особенно та часть, которая находилась под непрерывным артиллерийским огнем французов и выдерживала непрерывные атаки неприятеля) насчитывали около 11 тысяч человек ранеными и убитыми; сражавшиеся в тылу французов прусские войска потеряли примерно 7 тысяч человек. Потери французов были значительно больше: насчитывалось более 72 тысяч пленных, без вести пропавших, раненых и убитых. Наполеон же потерял последнюю надежду, когда его карета была перехвачена прусскими преследователями и сам он с позором доставлен в Париж.

Соотечественники встретили его достаточно холодно. Покинутый всеми, он был вынужден во второй раз подписать отречение, что и свершилось спустя четыре дня после основного сражения, 22 июня, в Елисейском дворце. Но Наполеон еще надеялся сохранить свою династию. Он писал: «Моя политическая жизнь кончена, и я назначаю императором французов моего сына под именем Наполеона II». Однако его распоряжения уже не имели никакого значения, поскольку вслед за Блюхером в Париж вскоре прибыл Бурбонский двор.

Наполеон не спешил покидать территорию Франции, пока не решился совершить еще один дерзкий побег – на этот раз в Америку. С этой целью Бонапарт отправился в Рошфор, но, оказавшись на месте, обнаружил, что гавань перекрыта судами английского флота. Увы, новая попытка побега не состоялась. Тогда он написал письмо английскому принцу-регенту, где, сравнивая себя с Фемистоклом, просил принять его под покровительство британских законов. К сожалению, сравнение и адресат были выбраны неудачно. Принц-регент не мог принимать самостоятельных решений, минуя парламент и проигнорировав мнение союзников. Когда Наполеон вступил на борт английского судна, капитан немедленно объявил, что несвободен в своих решениях, поэтому может принять Бонапарта на свой корабль только как военнопленного.

Английское правительство выбрало местом нового заточения Наполеона самый уединенный остров в Атлантическом океане – остров Святой Елены. Союзники дали свое согласие, и 18 октября 1815 года корабль «Беллерофон» доставил Наполеона в Джемстоунскую бухту богом забытого островка. История деяний Бонапарта на этом закончилась, последние шесть лет жизни он провел на острове, медленно угасая от тяжелой болезни и страдая от мелочных издевательств своих надсмотрщиков.

Во Флоренции, в Лауренцианской библиотеке, сохранился интереснейший материал, касающийся судьбы великого полководца, – его конспект, который был написан будущим императором Франции еще в кадетские годы. В конспекте есть раздел, посвященный заморским колониям, где последняя строчка гласит: «Святая Елена, маленький остров». Мог ли тогда Наполеон предполагать, что этот маленький остров станет его последним пристанищем, и, несмотря на все попытки покинуть остров (Бонапарта не оставляла надежда вновь обрести свободу!), ему так и не удастся вырваться из заточения. Все замышляемые приверженцами Наполеона побеги терпели фиаско: стражники оставались начеку день и ночь, следя за каждым шагом именитого пленника. Тем более что спустя несколько месяцев после прибытия экс-императора на остров его «почетный» караул был усилен: появились еще восемь рот пехоты и один артиллерийский батальон.

Но приверженцы Наполеона, несмотря на такую внушительную охрану и на далекое расстояние, отделяющее остров от материка, все-таки надеялись спасти своего кумира. Желаящих устроить ему побег было предостаточно. Первая попытка была предпринята Соломоном – одним из богатейших жителей острова Святой Елены. Для него Наполеон был чуть ли не Богом, олицетворением всех высоких идеалов. Однажды в чайнике с водой

он сумел передать Наполеону шелковую лестницу, весьма искусно сделанную и тщательно свернутую. С помощью этой лестницы узник мог спуститься с высокой скалы и оказаться прямо в ожидавшей его внизу лодке. Однако идеальный план побега, в силу каких-то неизвестных нам обстоятельств, так и не осуществился – «соломоново решение» не спасло Бонапарта.

В книге Маргарет Стюарт Тейлор «Святая Елена. Дорожный дом в океане» рассказывается еще одна любопытная история о попытке помочь Наполеону покинуть остров. На сей раз именитому пленнику был отправлен в качестве подарка комплект шахматных фигур. В одной из фигур был помещен план побега, тщательно разработанный и продуманный. Но, увы, Наполеон так и не узнал о тайнике, поскольку человек, отправленный к нему на остров с целью сообщить о замышляемом побеге, погиб в пути в результате несчастного случая, так и не встретившись с Наполеоном. Сам же подарок достиг места назначения, но о его истинном предназначении никто так и не сообщил бывшему императору.

Следующая попытка побега, также оказавшаяся неудачной, была предпринята Наполеоном незадолго до его смерти. Группа заговорщиков спрятала его в бочку, которую планировалось затем погрузить на борт американского китобоя. И хотя бочки до этого случая проверялись не так строго, однако на сей раз, вероятно в силу каких-то таинственных обстоятельств, именуемых одними злым роком, другими – судьбой, английские солдаты придирчиво осмотрели содержимое бочки. Таким образом заговор был раскрыт, а пленник вновь водворен на прежнее место. Фортуна словно бы отвернулась от своего недавнего любимца, вероятно исчерпав весь запас волшебных даров, предназначенных для него.

Действительно, Наполеон был щедро одарен судьбой: он обладал феноменальной памятью и острым умом, потрясающей работоспособностью, даром дипломата, он был поистине военным и государственным гением, удивительное обаяние которого позволяло легко располагать к себе людей, и, помимо прочего, повсюду ему сопутствовали успех и удача. И хотя империя Наполеона оказалась недолговечной, образ полководца в неизменном сером сюртуке и треуголке навсегда вошел в историю. О великих сражениях Наполеона рассказывают все учебники. Его именем была названа целая эпоха. Даже монархия Бурбонов, реставрированная после низложения Наполеона, не смогла уничтожить его реформы, ставшие результатом Великой французской революции: «наполеоновское право» впоследствии было взято за основу при создании гражданских норм западных демократических держав.

Возможно, он злоупотребил расположением фортуны и потому был вынужден расплачиваться своим заточением, из которого ему так и не удалось вырваться, несмотря на все предпринятые попытки бежать с острова. Как бы то ни было, пройденный им блистательный путь от младшего лейтенанта артиллерии до вершин императорской власти, увы, закончился весьма трагично. Но даже в свои последние годы жизни он находил сочувствие среди тех, кому не чужд был дух романтизма. Живописцы и поэты, музыканты и философы не уставали восторгаться гением Наполеона, тем гением, который, между прочим, явился причиной бесчисленных жестоких войн, унесших жизни стольких невинных людей. Но вряд ли об этом задумывались те, кто пытался вернуть свободу узнику острова Святой Елены.

Глава 2.

Ссылные и каторжники

Среди ссылных и каторжников, совершавших побеги, можно вспомнить бесчисленное множество имен, но самые, пожалуй, известные – это француз Анри Шаррьер, а также русские революционеры, деятельность которых во многом определила судьбу России начала XX века и привела в итоге к революции. Любопытно, что совершаемые ими побеги зачастую сопровождались исключительным везением. Невольно возникает вопрос: а что было бы, если, допустим, Сталину не удалось бы покинуть место своего предпоследнего заточения или Дзержинского удержала бы охрана Бутырки в начале 1917 года? Нашлись бы другие пламенные вожди революции или стране удалось бы избежать страшного бедствия, началом которого явился роковой Октябрь?

Загадки побегов Сталина

Старое издание «Краткой биографии» от 1947 года повествует о том, что в период с 1902 по 1913 год Сталин арестовывался восемь раз. Однако позже Сталин самолично исправил число арестов на цифру «семь». Там, где было сказано, что «бежал из ссылки шесть раз», он исправил на «пять». Итак, один из своих арестов и побегов вождь Страны Советов по каким-то причинам пытался скрыть. По этому поводу существует даже предположение, что именно при том аресте Сталин был завербован царской охранкой как тайный агент.

И. Сталин

Этой же версии придерживается и Э. Радзинский, приводя свидетельства старых большевиков. По словам Шатуновской (члена партии с 1916 года, личного секретаря председателя Бакинской коммуны Степана Шаумяна), о провокаторстве Сталина знали и секретарь Ростовского обкома Шеболдаев, и член политбюро Косиор. Командарм Я. Л. Корин в своем письме также указывает на то, что «слух о провокаторстве Сталина был известен в Коминтерне». Шатуновская также рассказала, что, когда материалы, доказывающие провокаторскую деятельность Сталина, попали в руки Хрущева, тот возмущенно замахал руками: «Это невозможно! Выходит, что нашей страной тридцать лет руководил агент царской охранки?» Действительно, подобную информацию никак нельзя было предавать гласности.

Был ли на самом деле Сталин, а в то время Коба, провокатором или нет? «Здесь следует вспомнить, – пишет Радзинский, – все фантастические побеги Кобы, его поездки за границу, странное благоволение полиции и бесконечные тщетные телеграммы с требованием задержания, ареста, которые почему-то остались без последствий». Настолько ли фантастическими были побеги Сталина, как утверждает Радзинский, и что в действительности скрывалось за странным промедлением полиции, которая так часто упускала опасного революционера и позволяла ему совершать дерзкие побеги? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к реальным событиям, сопровождавшим аресты Сталина и его побеги.

Первый арест Сталина описан в полицейской хронике: «Рапорт пристава четвертого участка города Батума об аресте в 12 часов ночи 5 апреля 1902 года И. Джугашвили на сходке рабочих в квартире М. Даривелидзе». После первого «путешествия» по страшным азиатским тюрьмам (батумская, кутаисская и т. д.) Сталин отправился и в свою первую ссылку в холодную Сибирь. Еще находясь в тюрьме, он сумел прекрасно освоиться среди уголовников, хотя в первые дни испытывал неподдельный страх: все-таки впервые он попал в тюрьму, и не просто в тюрьму, а в азиатскую, где царило абсолютное бесправие заключенных. Но Сталину удалось не только привыкнуть к своему новому существованию, но заслужить статус главного среди прочих. Впрочем, о феноменальной способности Сталина находить общий язык с уголовниками знал и Ленин, который частенько призывал именно Кобу решать сложные ситуации с бунтующими в период Гражданской войны солдатами и бывшими арестантами.

Оказавшись в ссылке, в далеком селе Нижняя Уда Иркутской губернии, Коба тосковал и по теплу, и по кипучей революционной деятельности. В ноябре 1903 года он совершил первую попытку побега, но, отморозив уши и нос, вернулся в Уду. Однако уже 5 января 1904 года в полицейском протоколе было записано, что «ссылный Джугашвили бежал». Коба проехал по всей России с поддельными документами на имя русского крестьянина, и его никто не задержал. Он вернулся в Тифлис, где оставался на нелегальном положении четыре года. В официальной биографии сказано, что за это время его ни разу не арестовывали, однако сохранились некоторые документы, подтверждающие обратное: «В 1906 году он был арестован и бежал из тюрьмы», – значится в составленной в 1911 году начальником Тифлисского охранного отделения И. Пастрюлиным справке об И. Джугашвили. Следовательно, он все-таки был арестован, но сумел бежать и опять вернулся на Кавказ, как будто игнорируя опасное пребывание там.

После смерти своей первой жены 25 ноября 1907 года Коба еще более страстно отдался революционной борьбе, но в это время появились слухи о том, что он провокатор. Затем произошел очередной арест Сталина, во время которого полиции удалось захватить документы, явно свидетельствующие о «его принадлежности к запрещенному Бакинскому комитету РСДРП». Решение жандармского управления в связи с обнаружением подобного рода документов выглядит по крайней мере странным: Кобу приговорили всего к трем годам каторжных работ, причем с отправкой на прежнее место ссылки. Затем срок ссылки уменьшился до двух лет. По пути следования в Сольвычегодск, находясь в камере Вятской тюрьмы, Сталин заболел тифом, но чудом выжил. 24 июня 1909 года он совершил удачный побег из Сольвычегодска, не побоявшись вновь вернуться на Кавказ.

На свободе Сталин пребывал недолго: 23 марта 1910 года его снова арестовали. На этот раз следствие продолжалось три месяца, после чего Кобу приговорили к ссылке все в тот же Сольвычегодск. Хотя по заключению помощника начальника Бакинского жандармского управления Н. Гелимбатовского отчаянного революционера следовало наказать более строго: «Ввиду упорного его участия в деятельности революционных партий, в коих он занимал весьма видное положение, ввиду двухкратного его побега принять меру взыскания – высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет».

После окончания ссылки в Сольвычегодске Коба, лишенный права выезда в столицу, выбрал местом своего жительства Вологду. В это время Ленин неоднократно призывал его вернуться к активной работе, о чем сам Коба писал в одном из писем, которые, кстати, проверялись полицией. «Ильич и К° зазывают в один из двух центров (Москву или Петербург) до окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок, чтобы легально, с большим размахом приняться за дело, но если нужда острая, то, конечно, снимусь». Спустя время в Департамент полиции поступило сообщение: «Как можно полагать, кавказец (имя Кобы в полиции) в скором времени выедет в Петербург или в Москву для свидания с тамошними предста-

вителями организации и будет сопровождаться наблюдением... Явилось бы лучшим производством обыска и арест его нынче же в Вологде». Но ареста не последовало, и Сталин покинул место ссылки. Уже «в 3.45 кавказец пришел на вокзал с вещами, вошел в вагон третьего класса в поезд, отходящий на Санкт-Петербург... Кавказец с означенным поездом уехал в Петербург». Полиция не спешила задерживать ссыльного беглеца, вероятно, на то были веские причины.

Для очередного побега Коба использовал так называемый железный документ – паспорт П. А. Чижикова, с которым познакомился в ссылке. Таким образом действовали многие революционеры: они покупали паспорта у местных жителей, а последние спустя какое-то время заявляли в полицию о пропаже документа. Тем временем бежавшие по поддельному документу ссыльные уже благополучно добирались до места назначения.

Побег из Вологды, по мнению самого Кобы, получился на редкость удачным. В это время Сталин переживал один из волнующих моментов своей жизни – сам Ленин вызывал его в столицу. Как только Сталину удалось попасть в Петербург (6 сентября 1911 года), то он немедленно приступил к работе в подполье. При этом он вел себя подозрительно бесечно и, зная о слежке (ведь совсем недавно в Киеве был убит Столыпин, и Петербург был просто наводнен полицией), не соблюдал даже элементарной осторожности. Неудивительно, что уже 9 сентября его снова арестовали. Поводом для ареста послужил подозрительный паспорт, выданный на имя русского крестьянина, но говорившего почему-то с явным кавказским акцентом.

Следствие велось до середины декабря, потом Кобе вынесли не очень строгий приговор: отправили в ссылку сроком на три года с правом выбора места жительства. Сталин вновь выбрал Вологду. Согласно биографии, написанной И. Товстухой со слов Сталина в 1925 году, из этой ссылки Коба бежал уже в конце октября – начале ноября 1911 года, то есть спустя какие-нибудь две-три недели после прибытия в Вологду.

По другим данным, взятым из официальной биографии, Сталин совершил побег лишь в конце февраля 1912 года. И эти данные, по всей видимости, больше соответствуют действительности, поскольку именно в начале февраля 1912 года в Вологду прибыл Г. К. Орджоникидзе с поручением от Ленина, который и требовал этого побега. Орджоникидзе поведал Сталину также о том, что Ленин замыслил произвести в партии настоящий переворот – избавиться от меньшевиков. Что он и сделал на конференции в Праге, проходившей в январе 1912 года: конференция провозгласила себя единственным представителем РСДРП и избрала большевистский ЦК. Сталин был избран в Русское бюро ЦК РСДРП(б) и в ЦК в целом. Таким образом он оказался в числе основных руководителей партии. Всего было семь членов ЦК, среди которых Ленин, Зиновьев и Орджоникидзе, а также Спандарьян, Голошекин и Шварцман, в кандидатах оставались четыре – Калинин, Бубнов, Стасова и Смирнов. Ленин лично ввел Сталина в ЦК, после того как был разоблачен ранее избранный на его место провокатор Малиновский. Уже в 1912 году, за три года до революции, Сталин фактически был третьим человеком в руководстве большевиков.

Безусловно, что после такого сообщения оставаться в ссылке представлялось совершенно бессмысленным, ведь теперь Сталин состоял в руководстве партией, и причем далеко не на последних ролях. Только двое из числа членов ЦК превышали его по значимости – Ленин и Зиновьев. Остальные же были значительно слабее Кобы и по опыту, и по масштабам работы, и, кроме того, по тем потенциальным возможностям, которые еще не были реализованы.

Следует отметить, что сам Сталин считал подобное назначение очень важным моментом в жизни, еще с 1911 года он ожидал решительных перемен в своей судьбе. Ведь в декабре 1912 года ему должно было исполниться 33 года, и бывший семинарист не мог проигнорировать эту дату: 33 года – возраст великих свершений! Поэтому-то он так и стремился

покинуть ссылку осенью 1911 года. Даже новый арест 9 сентября не омрачил радостного ожидания дальнейших великих свершений. Тем скорее он хотел вернуться к революционной деятельности, поэтому с легкостью покинул Вологду 29 февраля 1912 года.

Сначала он отправился в родной Тифлис, затем по дороге в Петербург как бы по ходу инспектировал провинциальные комитеты. Оказавшись в Северной столице в конце зимы, Сталин с головой окунулся в работу: готовил к выпуску первый номер «Правды» (вышел 22 апреля 1912 года), руководил избирательной кампанией в Государственную думу. На этот раз он оставался на воле несколько недель, чуть дольше по сравнению с прошлым разом, когда его деятельность на свободе продолжалась всего три дня. В день выхода номера «Правды», 22 апреля, его снова арестовали, но на сей раз отправили не в Вологду, а в самую глушь Сибири – Нарымский край. Однако уже 1 сентября все того же 1912 года Сталин, не дожидаясь суровой нарымской зимы, совершил очередной, пятый по счету побег! Ему нельзя было терять ни минуты в этом решающем году.

Сохранилась телеграмма, поступившая в Департамент полиции в тот период: «Джугашвили бежал из Нарымского края... намерен направиться к Ленину на совещание. В случае обнаружения наблюдения просьба задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу». Но Сталина и на этот раз не задержали, позволив ему благополучно покинуть Россию. Он сам считал свой очередной побег на редкость удачным и вопреки своим правилам с гордостью рассказывал о нем, причем не только соотечественникам, но и иностранным корреспондентам, живописуя во всех подробностях нелегкий путь беглого каторжника через бескрайние просторы необъятной России. Основной причиной удачи, по мнению известного писателя Анри Барбюса, явилось прекрасное знание Сталиным психологии русского народа. Ведь именно с русскими мужиками, ямщиками и крестьянами, пришлось вплотную общаться беглому каторжнику. И те, несмотря на восточный акцент и подозрительную внешность Кобы, не выдали его властям. Способности находить подход к простым людям были лишены, кстати, многие русские революционеры, особенно из числа интеллигенции. Резко выделяясь из массы своих соотечественников явно «барскими» привычками и слишком уж утонченным поведением, они скорее вызывали недоверие, чем расположение. В результате русские мужики немедленно доносили о них вышестоящему начальству. Не секрет, что именно благодаря таким доносам, поступившим от обычных ямщиков или дворников, многие, даже искусно подготовленные побеги были провалены (вспомнить хотя бы декабристов, Чернышевского и народовольцев-дворян, которые тщетно пытались покинуть сибирскую ссылку).

Выросший в нищете сын грузинского сапожника прекрасно понимал, как нужно разговаривать с мужиками: он не обещал им, как барин, дать на чай и вообще старался избегать подобного рода унижительного обращения, напротив, он честно говорил, что денег на оплату поездки у него нет. Однако у него всегда было при себе кое-что другое – пара штофов водки, которую он и предлагал в качестве оплаты за проезд. Причем обсуждение этого вопроса протекало в самой непринужденной атмосфере. Сталин с лукавой улыбкой на лице говорил, что сможет платить по «аршину водки» за каждый прогон между населенными пунктами. Насколько хватит этих штофов, на такое расстояние его и повезет ямщик. Последний же со смехом отвечал: «Русские меряют водку ведрами, а не аршинами».

И тогда начиналось настоящее представление в духе Сталина: он доставал из-за голенища аршин, а это была деревянная досочка длиной 71 см, потом вынимал из своего мешочка несколько металлических чарочек, плотно устанавливал их вдоль аршина и наполнял водкой – вот так, по его мнению, должен был выглядеть «аршин водки». Всеобщий взрыв смеха окончательно сближал собравшихся, и своего рода подкуп превращался в добрую товарищескую шутку. После чего «аршин водки» распивался уже совместно, а развеселившиеся ямщики, по-дружке ски похлопывая Сталина по спине, умильно приговаривали: «И откуда

ты взялся, такой веселый парень!» А при расставании многие не без сожаления восклицали: «Приезжай к нам еще!» – не каждый день попадались такие веселые пассажиры.

Но, несмотря на всю свою видимую веселость, Сталин сохранял присущую ему осторожность и через каждые три-четыре станции высаживался, проезжая с одним ямщиком только небольшой отрезок пути. При этом он никогда не говорил конечного пункта своего следования и всячески старался избегать любого столкновения с полицией.

Так, по официальной версии, Сталин, несмотря на кавказский вид и акцент, весело и непринужденно осуществлял все свои дерзкие побеги, покидая порой даже самые отдаленные уголки Российской империи. Но тем не менее остался целый ряд невыясненных вопросов и сомнительных моментов, на которые не устает обращать внимание Радзинский. Что касается последнего побега Сталина, то удивительным кажется факт его беспрепятственного переезда через границу два раза, причем без выездного паспорта. Сначала он направился в Краков к Ленину, затем, в ноябре, переехал в Петербург, а в конце декабря – снова в Краков на февральское совещание ЦК. И ни разу его не задержали, хотя полиция была предупреждена о его маршруте заранее.

У Сталина, конечно же, имелась своя версия этого путешествия. Когда-то в кругу семьи он рассказывал, что у него не было адреса человека, который должен был его переправить через границу. Но он случайно познакомился на базаре с поляком-сапожником, и когда тот узнал, что отец Сталина тоже бедняк и сапожник, только в Грузии, немедленно вызвался помочь. Он перевел Сталина через границу и не взял за это даже денег, а на прощание произнес: «Мы, сыны угнетенных наций, должны помогать друг другу». Старшая дочь Аллилуевой, Анна, слышала этот рассказ «много лет спустя после революции» от самого Сталина, который, смеясь, говорил об этом. Возможно, Сталин действительно обладал невероятным магнетизмом, заставлявшим людей кидаться ему на помощь, или в этот раз он использовал свой излюбленный прием с «аршином водки»? Радзинский же склонен видеть в этом рассказе явный подвох и воспринимает его лишь как очередную шутку Сталина, упорно подозревая удачливого грузина в тайном сотрудничестве с полицией.

Тем временем Сталин с торжеством подводил итог своей деятельности: за плечами уже достаточно приличный стаж революционной работы, многочисленные аресты и ссылки, удачные побеги и выборы в руководящий состав ЦК.

В Кракове Сталин неоднократно встречался и беседовал с Лениным и наблюдал между прочим привольную жизнь революционеров-эмигрантов, средства для которых приходилось зарабатывать порой нечеловеческими усилиями и ему, и другим нелегалам в России. Затем он вслед за Лениным переехал в Австрию и остановился в Вене, где начал усиленно изучать немецкий язык. К сожалению, разговаривать по-немецки он так и не научился, однако читать и понимать мог вполне сносно. В Вене Сталин написал по указанию Ленина статью, где со всей яростью обрушился на еврейских социалистов, требовавших национально-культурной автономии. Именно тогда появился партийный псевдоним Сталин, которым автор впервые подписал свою статью.

Спустя время Ленин отослал Кобу обратно в Россию, где тот руководил работой думской фракции и вел себя крайне осторожно, но, несмотря на эту осторожность, весной 1913 года его вновь арестовали. Наказание властей на этот раз оказалось суровым: впереди Сталина ожидала ссылка в Туруханский край сроком на четыре года. Ленин неоднократно поднимал вопрос, как помочь Кобе бежать из новой ссылки, но паспорт для побега так и не был отправлен. Сам же Сталин, который уже совершил столько побегов, на этот раз терпеливо переносил все тяготы суровой ссылке и даже, по-видимому, не помышлял о побеге. Почему? На этот вопрос биографы Сталина пытаются ответить по-разному, изыскивая все возможные причины такого поведения отчаянного революционера и выдвигая свои собственные предположения.

Одним из таковых является версия Радзинского о том, что Малиновский, один из ближайших сподвижников Ленина, был тайным агентом охраны, о чем Ленин прекрасно знал. На момент ареста Сталина, весной 1913 года, Малиновский, вероятно, получил распоряжение от самого Ленина пожертвовать одним из революционеров во имя общего дела, что он и выполнил. Итак, Сталина предали, принесли в жертву, таким образом превратив его в революционера второй категории, согласно установкам «Катехизиса» Нечаева: «У каждого товарища должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу».

Когда Сталин понял, что его отнесли ко второй категории, то пережил еще один тяжелейший момент в своей жизни: когда-то он потерял веру в Бога, теперь же он потерял веру в Ленина и в своих товарищей. Срок последней ссылки закончился в 1917 году, официально Сталин должен был выйти на свободу 7 июня, но власти разрешили ему покинуть место заключения на три с половиной месяца раньше – 20 февраля. Тем временем царь отрекся от престола, тюрьмы были открыты, охранные отделения разгромлены. Сталин с новым энтузиазмом принялся за революционную работу, но теперь это был уже новый деятель, переживший страшное разочарование в товарищах по партии, закаленный большевик и дальновидный, умеющий выжидать удобного момента политик.

Побеги Железного Феликса

Практически четверть всей своей жизни, а это примерно 11 лет, Железный Феликс провел в тюрьмах и лагерях. Это являлось неременным условием для тех, кто боролся за победу революции. «Революционер, – как гласил „Катехизис“ Нечаева, – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией». Недаром Дзержинского называли «верным рыцарем революции», во имя которой он готов был вытерпеть все муки ада. Ведь настоящий революционер «не должен знать для себя никакой пощады. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки».

Ф. Дзержинский

Но оставаться надолго в ссылке или тюрьме в те тревожные годы было бы непростительно для настоящего пламенного революционера, призванного всегда быть в гуще событий, дабы ускорить их ход и получить «одно утешение: вознаграждение и удовлетворение – успех революции». Единственным средством вновь оказаться в центре революционных событий, вернуться к не терпящим отложения делам был побег. Практически каждое заключение и ссылка Дзержинского сопровождалось побегом. Причем все побеги удавались ему на славу, что еще раз подчеркивает исключительность натуры истинного революционера и его преданность идеалам революции.

Учась еще в седьмом классе, Дзержинский вступил в социал-демократический кружок самообразования. Здесь он и познакомился с марксистской литературой, перевернувшей его мировоззрение и сформировавшей облик будущего борца за идеалы революции. Как позже сам он записал в дневнике: «Я вместе с кучкой моих ровесников дал (в 1894 году) клятву

бороться со злом до последнего дыхания». Давший эту клятву семнадцатилетний юноша сумел пронести свою мечту через всю жизнь: ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторга, ни череда отчаянных побегов не смогли изменить его идеалов.

Уже в восемнадцать лет Дзержинский стал профессиональным революционером. В 1895 году он вступил в Виленскую организацию литовской социал-демократии. Затем он, примкнув к левому, революционному крылу организации, сделался ее активным деятелем. Выступая в качестве агитатора, он печатал и распространял листовки, принимал непосредственное участие в организации забастовок. Он искренне верил в справедливость избранного им пути. «Я возненавидел богатство, так как полюбил людей», – писал Дзержинский в своем дневнике, – так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские и изгнал из сердец людей любовь... Помни, что в душе таких людей, как я, есть святая искра, которая дает счастье даже на костре».

Вскоре последовал и первый арест: 17 июля 1897 года Дзержинского арестовали за революционную пропаганду и заключили под стражу в Ковенскую тюрьму. А в 1898 году его выслали на три года в город Номенск, расположенный в Вятской губернии. Всего через год он совершил свой первый побег: на лодке по реке Каме Железный Феликс покинул место ссылки. Это случилось 28 августа 1899 года.

Ссылка в Кайгородское, куда Дзержинского перевели из Нолинска, привела к тяжелому заболеванию: 15 февраля 1899 года уездная Слободская призывная медицинская комиссия заявила ему, что он обречен на скорую смерть в результате прогрессирующей трахомы. Но Железный Феликс не боялся смерти, он только сетовал на то, что ничего не успел сделать в жизни. «Как горько, невыносимо больно сознание: жил и ничего не сделал, ничего не принес с собой... Этого быть не может», – писал Дзержинский своей знакомой по Нолинску Маргарите Федоровне Николаевой. Именно в этот момент он решился на свой первый побег, чтобы успеть как можно больше поработать в оставшееся ему время. «Я постараюсь устроить свою короткую жизнь так, чтобы пожить ею наиболее интенсивно», – писал он в другом письме.

Но вскоре выяснилось, что заключение призывной медицинской комиссии оказалось сильно преувеличенным: врачи, предупрежденные властями, старались просто отстранить опасного бунтовщика от армии, где он мог бы развернуть опасную агитационную деятельность.

Дзержинский все же не отступил от своего плана совершить побег. С приходом весны он начал часто ходить на охоту, и постепенно полиция, неустанно следившая за передвижениями ссыльного, начала привыкать к его долгому отсутствию во время охоты. Сам же Феликс Эдмундович во время своих вылазок тщательно изучал предстоящий ему путь побега. Побег из Кайгородского совершить было нелегко, ведь в этом небольшом селении каждый был на виду. Но Дзержинский, заранее пустив слух, что очень соскучился по своим друзьям в Нолинске, чтобы сбить со следа полицию, не позднее 27 августа 1899 года незаметно ускользнул из села.

Розыск был объявлен лишь 30 октября, так как полиция долгое время пыталась отыскать беглеца по ложному следу. Дзержинский же на борту маленького челна добрался по верховьям быстрой реки Камы до железнодорожной станции Кулиги, затем пересел на поезд и прибыл в Вильно раньше того времени, когда туда пришел полицейский циркуляр о розыске этого «опасного преступника».

В автобиографии Дзержинского описан последний эпизод его благополучного бегства из ссылки, которая, впрочем, позволила молодому революционеру серьезно изучить марксизм: «Возвращаясь в Вильно, – писал он, – застаю литовскую социал-демократию ведущей переговоры с ППС об объединении. Я был самым резким врагом национализма... Когда я приехал в Вильно, старые товарищи были уже в ссылке – руководила студенческая моло-

дежь. Меня к рабочим не пустили, а поспешили сплавить за границу, для чего свели меня с контрабандистами, которые и повезли меня в европейской „балаголе“ по Вилкомирскому шоссе к границе. В этой „балаголе“ я познакомился с одним пареньком, и тот за десять рублей в одном из местечек достал мне паспорт. Доехал тогда до железнодорожной станции, взял билет и уехал в Варшаву...»

Вскоре Дзержинский был уже в Варшаве, где с удовольствием, после целого года унылой жизни в ссылке, вернулся к революционной деятельности. Каким образом удалось беглому ссыльному добраться до столицы Польского государства без средств и без достаточных связей? Дзержинский, вероятнее всего, мог рассчитывать только на собственную смекалку, смелость и страстное желание оказаться на свободе, среди товарищей.

Все в том же «Катехизисе» сказано: «Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем, с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить». Исходя из этих положений, можно заключить, что молодому ссыльному революционеру, еще не прославившему себя значительными подвигами, нечего было и рассчитывать на помощь товарищей, оставалось только надеяться на удачу и свою решительность.

Оказавшись в Варшаве, Дзержинский организовал Марксистскую партию польского пролетариата, а затем Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы. В 1900 году его ждал новый арест, а в 1902 году – ссылка в далекую Сибирь сроком на пять лет. Но вначале было заключение в Александровскую центральную пересыльную тюрьму под Иркутском, где неугомонный бунтарь организовал и возглавил восстание, пытаясь таким способом добиться улучшения содержания заключенных. Потом, следуя по этапу к месту ссылки, Дзержинский совершил уже второй удачный побег и благополучно вернулся в Варшаву, на этот раз ему, вероятно, помог приобретенный ранее опыт беглого каторжника.

План побега из ссылки созрел у Дзержинского во время пути. Он поведал о своем намерении бежать одному знакомому ссыльному, Г. Валецкому. Вместе они решили, что Дзержинский и эсер-террорист Сладкопевцев постараются остаться под видом больных в Верхоленске якобы до следующей партии ссыльных. Сами же тем временем успеют подготовиться и оттуда совершат побег.

Заговорщикам все удалось сделать по намеченному плану: через десять дней после отправки из Александровского, уже находясь в Верхоленске, они обратились к местному фельдшеру. Тот их осмотрел и выдал соответствующую справку: «Страдающие туберкулезом легких (Дзержинский и Сладкопевцев) ввиду сильного упадка сил и общего состояния здоровья в настоящее время, при холодной и сырой погоде, не могут следовать далее, так как положение их очень серьезно, почему полагал бы необходимым отправить в Верхоленский приемный покой до следования 2-й арестантской партии при более теплой погоде».

Данная справка затем была предоставлена начальнику конвоя, который согласился оставить ссыльных временно в Верхоленске. Последние же, добившись желаемого, начали готовиться к побегу: купили лодку и 12 июня 1902 года ночью спустились на ней по реке до деревни Жигалово, откуда далее отправились по шоссе к Сибирской железной дороге. Уже через семнадцать дней после побега Дзержинский был в Варшаве, а вскоре переправился в столицу Германии.

В Берлине Дзержинский открыл для себя нечто новое: он познакомился с газетой «Искра», затем – с увлекательнейшей для всех молодых революционеров тех лет книгой «Что делать?». После этого Дзержинский с еще большим рвением включился в борьбу за создание революционной марксистской партии. И наконец на IV съезде РСДРП (объедини-

тельном), проходившем в Стокгольме в 1906 году, молодой революционер впервые лично встретился с Лениным.

Здесь, на съезде, Социал-демократическая партия Польши и Литвы, детище Дзержинского, была принята в РСДРП, а сам ее создатель был избран членом ЦК РСДРП. Но, увы, вскоре свободная деятельность Дзержинского закончилась: уже в декабре 1906 года его снова арестовали, теперь уже в третий раз. Его ждала ссылка на вечное поселение в Сибирь, но в конце 1909 года Дзержинский, уже тяжело больной, совершил очередной побег и нелегально уехал за границу. Но и там он не перестал заниматься пропагандистской и организаторской деятельностью и даже руководил подпольной работой.

В этот период, а именно в 1910 году, Дзержинский, находясь на Капри, познакомился с Максимом Горьким, у которого, кстати, сохранились самые светлые воспоминания о Феликсе Эдмундовиче: «Впервые я его видел в 1909–1910 годах, и уже тогда сразу же он вызвал у меня незабываемое впечатление душевной чистоты и твердости. В 1918–1921 годах я узнал его довольно близко, несколько раз беседовал с ним на очень щекотливую тему, часто обременял различными хлопотами; благодаря его душевной чуткости и справедливости было сделано много хорошего, он заставил меня и любить, и уважать его».

Дзержинский пережил за это время еще один арест, который, впрочем, закончился более или менее благополучно, и заключенному не пришлось совершать побег. Из следственной тюрьмы Павиак, куда его посадили после поимки на явочной квартире в Варшаве, Дзержинского освободили близкие и друзья под залог в тысячу рублей, которые дала партия (кстати, пока он томился в тюрьме, съезд заочно избрал его в ЦК РСДРП). После освобождения Дзержинский находился под еще более строгим надзором, но, несмотря на это и невзирая на подорванное здоровье, он продолжал усиленно работать.

Проведя за границей несколько лет, Дзержинский ни на минуту не прекращал работать, и неудивительно, что в 1912 году его снова арестовали. На этот раз последовали долгие годы заключения и каторги, с 1912 по 1917 год: сначала Варшавская тюрьма, затем Орловский нейтрал и, наконец, московская Бутырская тюрьма. После ареста в 1912 году Дзержинский почти два года находился под следствием в десятом павильоне Варшавской крепости. 29 апреля 1914 года был вынесен вердикт: за побег из Сибири Дзержинский приговорен к трем годам каторги, а по обвинению в подпольной работе следствие продолжалось. Когда Дзержинского перевели в Бутырскую тюрьму, суд приговорил его к шести годам каторги за революционную деятельность в период с 1910 по 1912 год, причем из этого срока были исключены ранее присужденные три года.

Все эти годы заключения Дзержинского поддерживали светлые мечты и радужные надежды, о чем красноречиво свидетельствовали записи в личном дневнике: «Не стоило бы жить, если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего. Ибо „я“ не может жить, если оно не включает в себя всего остального мира и людей. Таково это „я“». В 1914 году на каторге он писал: «Чем ужаснее ад теперешней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный ее гимн. Гимн правды красоты и счастья... Жизнь даже тогда радостна, когда приходится носить кандалы». Это не пустые слова, ведь за ними стоит искренняя вера Дзержинского в то, что все жертвы окупятся торжеством революции.

В начале 1917 года Дзержинский снова был удачно освобожден, и на этот раз – из Бутырской пересыльной тюрьмы, что было исключительным событием, ведь до этого из Бутырки за всю историю ее существования не удавалось освободиться ни одному заключенному.

Из Бутырской тюрьмы его вызволили московские рабочие. Тогда Дзержинскому было 40 лет, из них 22 года уже были отданы революционной борьбе, поэтому он имел полное право рассчитывать на помощь товарищей. Кроме того, разве мог пламенный революционер оставаться в стороне, когда страна жила ожиданием глобальных перемен?

Оказавшись на свободе, Железный Феликс немедленно включился в работу Московской партийной организации, его как лучшего из лучших отрядили делегатом на Апрельскую партийную конференцию. Работа VI съезда РСДРП(б) была главным образом нацелена на подготовку вооруженного восстания, и, конечно же, Железный Феликс, заслуживший свое прозвище в ходе многолетних испытаний, заключений и ссылок, не раз подтвердивший твердость своего характера во время рискованных побегов, принял самое активное участие в работе съезда. А 16 октября 1917 года на расширенном заседании ЦК партии он был избран в Военно-революционный центр ЦК, тот самый, который должен был руководить восстанием.

Так Дзержинский из юного, несколько романтически настроенного борца за справедливость постепенно превратился в Железного Феликса – одного из непосредственных организаторов и руководителей Октябрьского переворота, а в дальнейшем – грозного главу «карающего меча революции» – ЧК.

Тернистый путь к свободе

Как и для других революционеров, посвятивших свою жизнь пламенной борьбе, серьезным испытанием для Льва Троцкого явился первый арест и первый побег. Хотя сам Лев Давидович утверждал: «В конце концов, я не могу жаловаться на свои тюрьмы. Они были для меня хорошей школой». Только так, в вечных муках, борьбе, горении, бегах и страданиях, закалялся дух истинного борца за светлое будущее, ради которого никакие жертвы не казались чересчур суровыми и жестокими.

Будущий «демон революции» учился в реальном училище и университете. Он серьезно увлекался живописью, писал неплохие стихи и обладал прочими талантами, обещавшими блестящее будущее студенту-математику, пока юноша не увлекся радикальными идеями того времени. Из материалов, составленных помощником начальника Херсонского губернского жандармского управления в Херсонском уезде ротмистром Дремлюгой по донесению секретного агента о тайных рабочих сходках, следует: «8 сего ноября 1897 года в 10 часов явился ко мне, в квартиру мою, находящуюся в городе Николаеве по Артиллерийской улице в д. 6, крестьянин Новгородки Ананий Нестеренко и заявил: Львов (Лев Давидович, молодой человек лет 22, еврей) обратился к собравшимся со словами: „Господа, много лет прошло, как ярмо деспотизма трет наши шеи, пора нам остановиться и сказать: „Довольно!“ Затем эта речь была наполнена порицанием против священной особы государя императора, против правительства, религии, священнослужителей, порядка государственного управления и т. д.“

Л. Д. Троцкий

Безусловно, что ротмистр Дремлюга должен был предпринять серьезные меры по отношению к подобного рода выступлениям. Кроме того, в Николаеве, где тогда проживал Троцкий (в то время Бронштейн), появилась нелегальная газета «Наше дело» и был образован некий Южнорусский рабочий союз, по своим задачам повторяющий петербургские союзы во главе с Лениным и Мартовым. В результате в декабре 1897 года были арестованы все руководители и участники этой организации – всего 250 человек, среди которых был и

Бронштейн, тогда двадцатилетний выпускник Николаевского Александровского реального училища.

Ему было выдвинуто обвинение в революционной пропаганде, но Лев Давидович все отрицал: «Виновным себя в принадлежности к противозаконным и противоправительственным сообществам, каким-либо кружкам, а равно в организовывании таковых кружков, в составлении, гектографировании и распространении недозволенных изданий среди рабочих или иного слоя лиц не признаю», – именно так он заявил на своем первом допросе, состоявшемся 23 января 1898 года.

По этому же делу вместе с Бронштейном проходила и Александра Львовна Соколовская, будущая жена Льва Давидовича. Именно эта революционерка, по мнению матери Бронштейна, и сыграла роковую роль в его жизни. Сохранилось прошение Анеты Бронштейн к прокурору Одесской судебной палаты, где она не столько оправдывает своего сына, сколько просит уберечь его от брака с этой «неприятной особой»: «...ввиду громадной разницы в годах (ему двадцать лет, а ей двадцать восемь)... Близкое знакомство сына с этим семейством имело своим последствием нынешнее его положение, вследствие, очевидно, дурного направления и наклонностей этой семьи, а посему брак с такой особой может окончательно погубить его. Не могу при этом не прибавить и того, что родители Соколовской – люди бедные и что брак этот рассчитан скорее на то, чтобы этим путем заставить меня и мужа тратиться и на них». Итак, первый брак Бронштейна был заключен против воли родителей и потому навсегда развел Льва Давидовича с его семьей.

Но вначале было следствие, в ходе которого революционера перевезли из Николаева в Херсон, потом в Одессу. Впервые он постиг все тяготы арестантской жизни и обучился тем хитростям, которые приносили немного радости в унылое существование заключенного. Так, по его воспоминаниям, здесь он освоил науку пересылок тайных посланий из камеры в камеру, вырывая для этой цели последние белые листы из книг.

Вместе с Соколовской Лев Бронштейн отправился в свою первую четырехлетнюю ссылку в Восточную Сибирь. К этому моменту они уже обвенчались в Московской пересыльной тюрьме. Молодая семья прибыла в село Усть-Кут Иркутской губернии, которое и стало их местом жительства на два года. Здесь Лев Давидович впервые встретился с Дзержинским, Урицким и многими другими революционерами, которые, впрочем, в будущем стали его врагами, но пока все они были товарищами.

В ссылке родились две дочери-погодки Бронштейна и Соколовской, однако прибавление в семье не могло оторвать борца за справедливость от более важных дел. Вскоре, в 1902 году, у неутомимого революционера появился план побега. Работая волостным писарем, Бронштейн умудрился утаить один бланк паспорта. Позже он не без иронии вписал в этот паспорт фамилию старшего надзирателя Одесской тюрьмы Николая Троцкого. Эта фамилия осталась за Бронштейном на все последующие годы революционной деятельности, превратившись в легендарный псевдоним.

В августе 1902 года наконец-то состоялся первый долгожданный побег с фальшивым паспортом Николая Троцкого. Жена осталась в ссылке вместе с дочерьми, причем младшей тогда не было и четырех месяцев. Так Троцкий расстался со своей первой семьей, в дальнейшем поддерживая отношения с бывшей женой как товарищ по борьбе и друг. Позже эта семья, вероятно без сожаления покинутая Троцким, будет полностью истреблена по приказу Сталина в 1930-х годах, как, впрочем, и все остальные родственники Троцкого.

Пробираясь через всю Россию, минуя Харьков, Полтаву, Киев, он практически беспрепятственно по фальшивому паспорту достиг границы. Благодаря конспиративным каналам социал-демократов Троцкий покинул Российское государство и, проехав через Вену, Цюрих и Париж, осенью 1902 года добрался до Лондона. Здесь он немедленно примкнул к стройным революционным рядам эмигрантов, оказавшись в лагере социал-демократов, а затем

начал свою деятельность в редакции ленинской «Искры». Сначала он просто печатался, пока на его блестящий дар журналиста не обратил внимание сам Ленин. В марте 1903 года он предложил Плеханову кооптировать Троцкого в члены редакции своей газеты. Ленин был просто в восторге от его талантов, но вскоре это обожание перешло в открытую ненависть: на II съезде РСДРП Троцкий посмел резко выступить против его формулировки членства в партии. Ленин никогда не прощал инакомыслия, так Троцкий превратился в «иудушку» и «политическую проститутку».

Во время своего пребывания в Париже Троцкий познакомился с Натальей Седовой, ставшей его второй и последней женой. В этом счастливом браке родились два сына: Лев (1906) и Сергей (1908).

К концу 1904 года Троцкий считался «внефракционным» социал-демократом, как и прежде, он доказывал свою особую позицию, которая до конца так и не соответствовала ни одной из существующих тогда группировок. Находясь в Женеве, он узнал о жестоком расстреле демонстрации 9 января 1905 года и принял решение немедленно вернуться в Россию. В феврале этого же года Троцкий перебрался сначала в Киев, а затем в Петербург. На время политические разногласия большевиков и Троцкого были отодвинуты на второй план, ведь перед революционерами стояла единая задача – свержение царизма, все прочее пока не имело значения. В соавторстве с известным германским социал-демократом Парвусом (А. Л. Гельфанд) Троцкий разработал теорию «перманентной революции», пропагандой которой и занимался все время, выступая и в качестве оратора, и в качестве публициста. Затем последовал его вторичный арест.

Следствие продолжалось около пятнадцати месяцев, и Троцкий кочевал из одной столичной тюрьмы в другую. «Каждая из тюрем, – писал Троцкий в своей книге, – представляла свои особенности, к которым нужно было приспособиться. Но рассказывать об этом было бы слишком утомительно, ибо при всем своем разнообразии все тюрьмы похожи друг на друга. Снова наступило время систематической научной и литературной работы. Я занимался теорией земельной ренты и историей социальных отношений России». Адвокаты, получившие доступ к заключенным, выносили в своих портфелях его рукописи, которые затем немедленно публиковались.

Д. Сверчков, находившийся в это время вместе с Троцким в заключении, позже написал в своей книге «На заре революции»: «Л. Д. Троцкий залпом писал и передавал по частям для напечатания свою книгу „Россия и революция“, в которой он впервые высказал с определенностью мысль о том, что революция, начавшаяся в России, не может закончиться до тех пор, пока не будет достигнут социалистический строй. Его теория „перманентной революции“ – как называли эту мысль – не разделялась тогда почти никем, однако он твердо стоял на своей позиции и уже тогда усматривал в положении государств мира все признаки разложения буржуазно-капиталистического хозяйства и относительную близость социалистической революции...»

Тюремная камера Троцкого превратилась вскоре в библиотеку. Ему передавали решительно все сколько-нибудь заслуживающие внимания новые книги, он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой. «Я чувствую себя великолепно, – говорил он. – Сажу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать... Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...»

В книге самого героя режим тюремного заключения в период следствия описан следующим образом: «Начался второй тюремный цикл. Я переносил его гораздо легче, чем первый, да и условия были несравненно благоприятнее, чем за восемь лет до того. Режим в тюрьме, ввиду первой Думы, был либеральный, камеры днем не запирались, прогулки были общие. Мы по часам с упоением играли в чехарду. Приговоренные к смерти прыгали и под-

ставляли свои спины вместе с другими. Жена приходила ко мне дважды в неделю на свидание. Дежурные помощники смотрели сквозь пальцы, как мы обменивались письмами и рукописями. Один из них, уже пожилой, особенно благоволил к нам. Я подарил ему, по его просьбе, свою книгу и свою карточку с надписью. Я встретился с ним при советской власти и сделал для него, что мог, в те голодные годы».

Вот так отбывали наказание грозные враги монархического государства, продолжая и в заключении, причем порой даже с еще большим рвением, вести активную революционную деятельность.

Тем временем родился первый сын Льва Давидовича, тоже Лев, который, к сожалению, также не избежал печальной участи в будущем, как и прочие родственники опального революционера.

Еще во время предварительного тюремного заключения возник первый план побега. Его инициатором был заключенный вместе с Троцким опытный в подобного рода делах Дейч (к тому времени Дейч уже совершил три удачных побега). Он намеревался совершить групповой побег, привлекая к участию и Парвуса, и самого Троцкого. Но Лев Давидович отказывался, поскольку намеревался использовать судебный процесс в политических целях (все выступавшие против власти борцы частенько прибегали к такому средству, используя скамью подсудимых в качестве трибуны для выступления). План побега Дейча, увы, был расстроен: он привлек слишком много участников и, вероятно, кто-то проговорился, поскольку вскоре в тюремной библиотеке, служившей операционным центром для заговорщиков, были обнаружены целые наборы слесарных инструментов, необходимых для побега. Впрочем, дело было замято: администрация решила, что эти инструменты были специально подброшены самими жандармами, которые добивались изменения тюремного режима.

Судебный процесс начался осенью 1906 года и продолжался почти месяц. Всего на суде по обвинению в антигосударственной деятельности проходило 50 человек. Свидетелями выступило около 400 человек, из которых, правда, только 200 с небольшим дали показания. Среди них были «рабочие, фабриканты, жандармы, инженеры, прислуга, обыватели, журналисты, почтово-телеграфные чиновники, полицмейстеры, гимназисты, гласные Думы, дворяники, сенаторы, хулиганы, депутаты, профессора, солдаты...» Свидетельства этих людей помогли суду отследить процесс становления и работы рабочего совета. Вообще суд проходил в атмосфере всеобщей взволнованности, и в конце концов подсудимые сорвали процесс. Пришлось выдворить всех из зала заседания, и свой приговор судья выносил лишь в присутствии прокурора.

Подсудимые были лишены всех гражданских прав, но сам приговор оказался сравнительно мягким, поскольку все ожидали каторги. Троцкий на этот раз был приговорен к бессрочной ссылке в село Обдорское, расположенное за полярным кругом. Сам Троцкий писал о месте своей ссылки так: «До железной дороги от Обдорска – полторы тысячи верст, до ближайшего телеграфного поста – 800. Почта приходит раз в две недели. Во время распутицы, весной и осенью, она вовсе не приходит от полутора до двух месяцев». Любая попытка побега должна была обернуться дополнительным сроком – тремя годами каторжных работ. Итак, впереди его ожидали «столь знакомые грязь, суматоха и бестолковщина этапного пути», а затем долгие месяцы и годы томления в холодном, суровом краю.

Однако, не доехав 500 верст до места назначения, Лев Давидович совершил второй побег из ссылки. Следует отметить, что многие условности, принятые по закону во время переправки ссыльных на этот раз были опущены. Так, например, на осужденных не надели наручников, вообще конвойные офицеры относились к заключенным весьма предупредительно и с сочувствием.

В письме жене Троцкий писал: «Если офицер предупредителен и вежлив, то о команде и говорить нечего: почти вся она читала отчет о нашем процессе и относится к нам с величай-

шим сочувствием. До последней минуты солдаты не знали, кого и куда повезут. По предосторожностям, с какими их внезапно доставили из Москвы в Петербург, они думали, что им придется вести в Шлиссельбург осужденных на казнь. В приемной „пересылки“ я заметил, что конвойные очень взволнованы и как-то странно услужливы, с оттенком виноватости. Только в вагоне я узнал причину. Как они обрадовались, когда узнали, что перед ними – „рабочие депутаты“, осужденные только лишь на ссылку. Жандармы, образующие сверхконвой, к нам в вагон совершенно не показываются. Они несут внешнюю охрану: окружают вагон на станциях, стоят на часах у наружной стороны двери, а главным образом, по-видимому, наблюдают за конвойными. Письма наши с пути тайно опускались в ящик конвойными солдатами». Что касается петербургских конвоиров, то они и вовсе декламировали арестантам свежие революционные стихи. Даже приставленный для дополнительной охраны взвод жандармов только внешне соблюдал все необходимые правила.

До Тюмени ссыльные в сопровождении конвоя и охраны добирались по железной дороге, затем на лошадях. «На 14 ссыльных, – писал Троцкий в своей книге, – дали 52 конвойных солдата, не считая капитана, пристава и урядника. Шло под нами около 40 саней». Дальнейший путь пролегал по Оби. 12 февраля, на тридцать третий день пути, ссыльные прибыли в Березов, где должны были остановиться на два дня. Из этого-то места и был совершен побег Троцкого, до Обдорска – конечного пункта назначения – оставалось всего 500 миль. Конвойные офицеры и предположить не могли, что кто-нибудь из ссыльных посмеет совершить побег из этого края, поскольку «отсюда была единственная дорога по Оби, вдоль телеграфной линии: всякий бежавший был бы настигнут».

Предварительно Лев Давидович детально обсудил вопрос о побеге с жившим в Березове ссыльным Рошковским, который и подсказал, что «можно попытаться взять путь прямо на запад, по реке Сосьве, в сторону Урала, проехать на оленях до горных заводов, попасть у Богословского завода на узкоколейную железную дорогу и доехать по ней до Кушвы, где она смыкается с пермской линией. А там – Пермь, Вятка, Вологда, Петербург, Гельсингфорс!»

На протяжении тысячи верст вокруг Березова не было никакой полиции, а также и ни одного поселения. Все, что можно было встретить в пути, – случайные, затерявшиеся в снегах юрты. Лошадей тоже не было, только олени, так что можно было не бояться погони. Однако это не могло служить залогом счастливого спасения, ведь одинокому путнику было так просто затеряться навеки среди бескрайней снежной пустыни, тем более что на дворе стоял февраль.

Все, чем располагал Троцкий, – это чужой паспорт и золотые червонцы, вовремя спрятанные в высоких каблуках башмаков и не обнаруженные полицией. Находившийся в ссылке старый революционер доктор Фейт подсказал Троцкому, как остаться в Березове на несколько лишних дней. Оказывается, очень удобно имитировать приступы ишиаса, ведь это заболевание невозможно проверить. С помощью этого приема Троцкий добился желаемого результата и остался в местной больнице. Затем хитроумный ссыльный стал отлучаться из больницы на несколько часов кряду якобы для поправления здоровья, что активно поддерживал и доверчивый доктор. Для надежности к побегу был привлечен местный житель, крестьянин по прозвищу Козья Ножка, помощь которого оказалась весьма действенной. Решено было ехать из Березова на оленьей упряжке, и Козья Ножка помог найти надежного проводника, который согласился отправиться в опасное путешествие в такое время года.

«А он не пьяница?» – поинтересовался Троцкий. На что Козья Ножка ответил: «Как не пьяница? Пьяница лютый. Зато свободно говорит по-русски, по-зырянски и на двух остяцких наречиях: верховом и низовом, почти не схожих между собою. Другого такого ямщика не найти: пройдоша». Этот зырянин и вывез Троцкого из ссылки: вместе они преодолели около 700 км пути на оленьей упряжке, благополучно достигнув Урала.

«Отъезд был назначен на воскресенье, – писал Троцкий позже, – в полночь. В этот день местные власти ставили любительский спектакль. Я показался в казарме, служившей театром, и, встретившись там с исправником, сказал ему, что чувствую себя гораздо лучше и могу в ближайшее время отправиться в Обдорск. Это было очень коварно, но совершенно необходимо.

Когда на колокольне ударило 12, я крадучись отправился на двор к Козьей Ножке. Дровни были готовы. Я улегся на дно, подстлав вторую шубу, Козья Ножка покрыл меня холодной, мерзлой соломой, перевязал ее накрест, и мы тронулись. Солома таяла, и холодные струйки сползали по лицу. Отъехав несколько верст, мы остановились. Козья Ножка развязал воз. Я выбрался из-под соломы. Мой возница свистнул. В ответ раздались голоса, увы, нетрезвые. Зырянин был пьян, к тому же приехал с приятелями. Это было плохое начало. Но выбора не было. Я пересел на легкие нарты со своим небольшим багажом. На мне были две шубы, мехом внутрь и мехом наружу, меховые чулки и меховые сапоги, двойного меха шапка и такие же рукавицы – словом, полное зимнее обмундирование остяка. В багаже у меня было несколько бутылок спирта, то есть наиболее надежного эквивалента в снежной пустыне». Чтобы сбить полицейскую погоню с пути, Рошковским заранее было решено в день побега отправить из города местного жителя с упряжкой с телятиной. Когда позже, через два дня, полиция стала расспрашивать охранника, дежурившего в ночь побега на пожарной каланче, с которой великолепно было видно любое движение, тот указал тобольское направление «телячьей упряжки». И полицейские ринулись вслед за ней, теряя драгоценное время.

Между тем беглец с возницей двигался на быстрой оленьей упряжке по Сосьве. Как писал Троцкий, все время он переживал, что пьяный проводник собьется с пути, поскольку частенько просто засыпал и не реагировал ни на какие действия. Только когда удрученный Лев Давидович догадался совсем снять с него шапку и голова зырянина покрылась инеем, тот перестал пугать своего пассажира, и движение упряжки наконец-то приобрело нужное направление. Вообще Троцкий очень поэтично описывал свой побег, восхищаясь и природой северного края, и красотой оленей: «Это было поистине прекрасное путешествие в девственной снежной пустыне, среди елей и звериных следов. Олени бежали бодро, свесив на бок языки и часто дыша: чу-чу-чу-чу... Дорога шла узкая, животные жались в кучу, и приходилось дивиться, как они не мешают друг другу бежать. Удивительные создания – без голода и без усталости. У меня было к этим животным примерно то же чувство, какое должно быть у летчика к своему мотору на высоте нескольких сот метров над океаном. Главный из трех оленей, вожак, захромал. Какая тревога!»

В результате вознице пришлось сменить вожака, что было сопряжено с некоторыми сложностями, ведь остяцкие кочевья были раскиданы на десятки верст друг от друга. Но все закончилось благополучно: опытный зырянин за несколько верст улавливал запах дыма, и вскоре кочевье было найдено. Всего на смену оленей у проводника ушло чуть больше суток, затем путешествие продолжалось, и снова путников окружали то лес, то покрытые снегом болотистые равнины, то голые пространства. Воду путникам приходилось кипятить прямо на снегу, и сама вода была из снега, хотя, как пишет Троцкий, возница предпочитал употреблять спирт, но теперь под его бдительным контролем.

Однообразие долгого пути может утомить кого угодно, но, как ни странно, в книге, посвященной воспоминанию об этом побеге, Троцкий не уставал восхищаться романтической красотой и некой загадочностью окружающей его тогда обстановки: «Нарты скользили ровно и бесшумно, как лодка по зеркальному пруду. В густых сумерках лес казался еще более гигантским. Дороги я совершенно не видел, передвижения нарт почти не ощущал. Заколдованные деревья быстро мчались на нас, кусты убегали в сторону, старые пни, покрытые снегом, рядом со стройными березками, проносились мимо нас. Все казалось полным тайны. Чу-чу-чу-чу... слышалось частое и ровное дыхание оленей в безмолвии лесной ночи».

В целом это восхитительное путешествие Троцкого продолжалось неделю. Когда же путники начали приближаться к Уралу, ситуация несколько изменилась: на дороге все чаще стали попадаться встречные обозы и появилось больше причин для волнения. Чтобы избежать неприятностей, Льву Давидовичу пришлось выдавать себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. Но недалеко от Урала им повстречался приказчик, работавший раньше в этой экспедиции. Естественно, что он прекрасно знал состав экспедиции и что-то заподозрил, поэтому стал выпрашивать у Троцкого некоторые подробности об экспедиции. Беглого ссыльного спасло только то, что приказчик оказался пьян.

Дальнейший путь по Уралу продолжался на лошадях. На этом отрезке пути Троцкий уже выдавал себя за чиновника, поскольку путешествие пришлось разделять с акцизным ревизором, как раз объезжавшим свой участок. В такой опасной компании беглый ссыльный добрался до железной дороги, где наконец-то смог освободиться от нежелательного спутника. Некоторое волнение вызвал и станционный жандарм, однако большое количество остяцких шуб, от которых Троцкий поспешил затем избавиться, не вызвало у него ни малейшего подозрения.

Тревога не покидала беглеца и во время путешествия по железной дороге, ведь на подъездном уральском пути полицейские, предупрежденные телеграфным сообщением из Тобольска, легко могли вычислить чужака и арестовать его. Но, когда Троцкий пересел в вагон, следовавший по пермской дороге, уже не оставалось ни малейшего сомнения, что побег удался. И из груди восторженного беглеца «непроизвольно вырвался громкий крик радости и свободы!»

На одной из станций он телеграфировал жене, чтобы она его встретила. Та, конечно, не ожидала увидеть осужденного мужа через такой короткий срок: переправа осужденных в Березов продолжалась целый месяц, о чем подробно писали газеты, а обратное путешествие Троцкого заняло всего одиннадцать дней! Встреча супругов состоялась на одной из станций под Петербургом.

Сама Наталья Ивановна очень трогательно описывает это событие в своих воспоминаниях: «Получивши телеграмму в Териоках, финляндском селе под Петербургом, где я была совершенно одна с совсем маленьким сыном, я не находила себе места от радости и волнения. В тот же день я получила с пути от Л. Д. длинное письмо, в котором, кроме описания путешествия, заключалась еще просьба привезти ему книги, когда буду ехать в Обдорск, и ряд необходимых на Севере вещей. Выходило, будто он сразу раздумал и каким-то непостижимым путем мчится обратно и даже назначает свидание на станции, где скрещиваются поезда. Но удивительным образом в тексте телеграммы название станции выпало. На другой день утром выезжаю в Петербург и стараюсь по путеводителю выяснить, до какой именно станции я должна взять билет. Не решаюсь наводить справки и отправляюсь в путь, так и не выяснив название станции. Беру билет до Вятки, выезжаю вечером. Вагон полон помещиков, возвращающихся из Петербурга с покупками из гастрономических магазинов в свои имения – праздновать Масленицу; беседы идут о блинах, икре, балыке, винах и пр. Я с трудом выносила эти разговоры, взволнованная предстоящим свиданием, терзаемая мыслью о возможных случайностях... И все же в душе жила уверенность, что свидание состоится. Я едва дождалась утра, когда встречный поезд должен был прийти на станцию Самино: только в дороге я узнала ее название и запомнила его на всю жизнь. Поезда остановились, и наш, и встречный. Я выбежала на станцию – никого нет. Вскочила во встречный поезд, пробежала в страшной тревоге по вагонам, нет и нет – и вдруг увидела в одном из купе шубу Л. Д. – значит, он здесь, здесь, но где? Я выпрыгнула из вагона и сейчас же наткнулась на выбежавшего из вокзала Л. Д., который меня искал. Он негодовал по поводу искажения телеграммы и хотел по этому поводу тут же затеять историю. Я еле отговорила его. Когда он отправил мне телеграмму, он отдавал себе, конечно, отчет в том, что вместо меня его могут встретить

жандармы, но считал, что со мной легче ему будет в Петербурге, и надеялся на счастливую звезду. Мы сели в купе и продолжали путь вместе. Меня поражала свобода и непринужденность, с которой держал себя Л. Д., смеясь, громко разговаривая в вагоне и на вокзале. Мне хотелось его сделать совсем невидимым, хорошенько спрятать; ведь за побег ему грозили каторжные работы. А он был у всех на виду и говорил, что это-то и есть самая надежная защита».

«Любовь искупает все грехи», – когда-то заметил Соломон. Действительно, прекрасно, когда кто-то, пусть это даже самый отчаянный негодяй, может рассчитывать на безграничную любовь и преданность близкого человека. Льву Давидовичу можно только позавидовать, ведь верная Наташа не оставляла его даже в годы сталинских репрессий и вместе с ним пряталась под кроватью, когда группа террористов пыталась казнить Троцкого в далекой Мексике. Его более удачливый соратник, Сталин, добившись неограниченной власти в стране, перестал доверять Троцкому.

Прямо с вокзала счастливые супруги отправились в артиллерийское училище, где в то время находились надежные товарищи Троцкого. Однако положение беглеца в Петербурге было еще более рискованным, чем на дорогах Сибири или во время путешествия по железнодорожному пути в Северную столицу. Несомненно, что сообщения о бегстве ссыльного уже были разосланы из Березова во все города, а в Петербурге личность Троцкого была слишком хорошо известна благодаря его деятельности в Совете депутатов. Пришлось Троцкому вместе с семьей перебраться в Финляндию. Самым опасным пунктом этого предприятия стал Финляндский вокзал. «Перед самым отходом поезда, – писал Лев Давидович в своей книге, – в наш вагон вошло несколько жандармских офицеров, ревизовавших поезд. По глазам жены, которая сидела лицом ко входной двери, я прочитал, какой опасности мы подвергаемся. Мы пережили минуту большой нервной нагрузки. Жандармы безучастно поглядели на нас и прошли мимо. Это было самое лучшее, что они могли сделать».

Ленин и Мартов в это время также находились в Финляндии, на Карельском перешейке, поэтому Троцкий, конечно же, сразу же по приезде навестил их. Ленин снабдил своего тогда еще товарища несколькими полезными адресами в Гельсингфорсе. Друзья Ленина помогли Троцкому устроиться в местечке Огльбю, неподалеку от Гельсингфорса (Хельсинки), где он провел три безмятежных месяца вместе с женой и сыном и написал свою книгу о побеге под названием «Туда и обратно».

Полицейстер в Гельсингфорсе был революционным финским националистом и обещал предупреждать Троцкого о малейшей опасности (со стороны Петербурга). Когда книга «Туда и обратно» была издана, Лев Давидович на полученный за нее гонорар отправился в Стокгольм. Это случилось в конце марта: вместе с семьей он на норвежском пароходе отплыл в Европу. Но в порту Галифакс спустя всего несколько дней после начала вояжа его и еще нескольких эмигрантов арестовали и заключили в лагерь для немецких моряков. В дело вмешался Петроградский совет Временного правительства, и уже через месяц арестованных, в том числе и Троцкого, освободили. Но он по-прежнему оставался за границей. Его вынужденная эмиграция продолжалась десять лет, и только в 1917 году революционер вернулся на родину.

За время своего пребывания за границей Троцкий объездил десятки городов, работал во многих газетах и журналах, в частности, он был одним из редакторов «Правды». В этот период он окончательно оформил свою теорию «перманентной всемирной революции». Затем в жизни подпольного революционера и эмигранта наступил поистине блистательный период, благодаря которому имя Троцкого навсегда вошло в анналы истории. С 1917 по 1920 год он стал играть важнейшую роль в политической жизни страны, фактически вся власть в этот период была сосредоточена в его руках, так как только у него хранились чистые листы

бумаги с печатью председателя Совнаркома и его личной подписью, а что писать на этих бумагах, зависело от него.

Среди личных «заслуг» Троцкого можно отметить следующие: во-первых, это он отдал приказ о сдаче Петрограда белым; во-вторых, именно Троцкий категорически настаивал на введение в армии жесточайшей дисциплины (а это означало массовые расстрелы целых подразделений и батальонов, посмевших выйти из подчинения); в-третьих, им были организованы трудармии (те, кто не участвовал в боях, были обязаны трудиться по месту дислокации); и, наконец, Троцкий стал инициатором создания первых в мировой истории концлагерей для военнопленных.

Спустя всего десять лет история Страны Советов была переписана Сталиным набело, и в ней уже не нашлось места Троцкому. Теперь он стал врагом номер один и для Сталина, и для своей родины. Во всех судебных процессах против «врагов народа» фигурировало имя Троцкого – главного зачинщика антигосударственной деятельности и главного провокатора». Под давлением сталинских установок правительства западных стран также старались избавиться от человека с репутацией «знаменитого революционера». Троцкий кочевал из одной страны в другую: в середине 1933 года он во Франции, летом 1935 года – уже в Норвегии, а 9 января 1937 года – в Мексике, куда его пригласил известный художник Диего Ривера. Причем в Мексику Троцкий приехал на танкере, предоставленном норвежским правительством. В начале 1939 года Троцкий купил большой дом в предместье Мехико, надеясь наконец-то отдохнуть от бесконечных волнений и необходимости постоянно менять место жительства, чтобы спастись от преследований сталинских агентов. В Мексике Троцкий провел последний год своей жизни.

Но и здесь его не оставляли преследователи. Было предпринято несколько попыток лишить жизни «опасного и коварного врага» Страны Советов. Одна из попыток должна была закончиться успешно, но, несмотря на все усилия подосланных на виллу террористов (комната, где находился Троцкий с женой, была буквально изрешечена автоматной очередью), «дьявол революции» нисколько не пострадал, и даже оставленная напоследок террористами бомба не взорвалась. После этого случая были предприняты меры по усиленной охране дома, но будущий убийца Троцкого все-таки проник в его дом. Под именем Жака Морнара действовал 26-летний Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, доблестный лейтенант испанской республиканской армии. Он действовал по специальному заданию НКВД. 28 мая в 18 часов 20 минут Рамон Меркадер, войдя в кабинет Троцкого, достал из-под полы своего плаща ледоруб (Троцкий запретил обыскивать своих знакомых). Лев Давидович сидел за письменным столом, и убийца, подойдя к нему сзади, ударил его по голове. Рана была глубокой, однако Троцкий успел закидать убийцу предметами со своего рабочего стола, изрядно покусать его и даже дать показания в полиции. Скончался наш герой в госпитале через сутки, а через шесть дней, после кремации, его останки были захоронены в саду возле роскошного мексиканского дома. Прах Натальи Ивановны был погребен рядом в 1962 году.

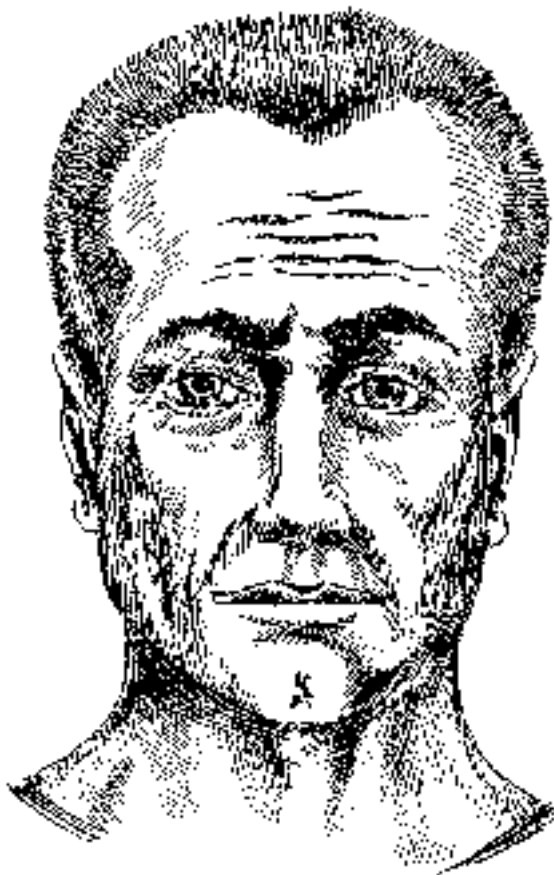
Знаменитый убийца Троцкого, Меркадер, отсидел в мексиканской тюрьме положенный срок – 20 лет, а в 1961 году вышел на свободу и, конечно же, отправился в Москву. Бывший в то время генсеком Никита Хрущев торжественно вручил «народному мстителю» звезду Героя Советского Союза.

Прощай, каторга!

Анри Шаррьер, больше известный как Мотылек, родился в 1906 году во Франции, в департаменте Ардеш, в семье школьного учителя. В 1931 году суд Франции приговорил его к пожизненному заключению за убийство, которое он не совершал. Мотылька отправили на каторгу. Целых тринадцать лет он боролся за свою свободу: бежал, его ловили и возвращали на острова, а он опять бежал, и его снова заключали в тюрьму... Но, несмотря на неудачно заканчивающиеся побеги, Шаррьер не переставал верить в свою счастливую звезду, которая зажглась для него только через тринадцать лет – в день, когда его очередной побег закончился победой и бывший узник наконец обрел желанную свободу.

В 1969 году Анри Шаррьер написал книгу «Мотылек», сюжетом которой послужила история его осуждения, пребывания на каторге и в тюрьмах, а также побегов. Мемуары бывшего каторжника вскоре стали бестселлером, а в 1973 году по ним был снят одноименный кинофильм со Стивом МакКвином в роли Мотылька.

Итак, 1931 год. Франция. Париж. Дворец правосудия. Подсудимого Анри Шаррьера приговорили к пожизненной каторге и в тот же день отправили в тюрьму Консьержери. Даже надзиратели тюрьмы, повидавшие на своем веку многое, сильно удивились, узнав, что Мотылек получил пожизненный срок. И за что? За убийство, которое было выгодно полиции. Дело в том, что Шаррьера обвинили в расправе над сутенером и стукачом Малышом Роланом. И даже если бы Мотылек его убил (а, как известно, дело было сфабриковано), то ни о каком пожизненном сроке не могло быть и речи. Максимум, что мог получить Шаррьер, – это двадцать лет каторги.

Мотылек

Утром, выпив чашку кофе в камере тюрьмы Консьержери, Мотылек задумался, стоит ли ему подавать кассационную жалобу. «Ради чего? – думал он. – Разве другой состав суда сможет что-либо изменить? И сколько времени уйдет на все это, год или полтора? Зачем тратить зря время? Для того чтобы получить двадцать лет вместо пожизненного? Надо бежать...» Рассуждая таким образом, осужденный пришел к выводу, что раз он уже принял твердое решение бежать, то срок совершенно не имеет значения.

Первое, что решил сделать Мотылек, это найти среди осужденных напарника, который согласился бы бежать вместе с ним. Перебрав мысленно всех, кто находился в это время в тюрьме, он остановился на марсельце Дега. На следующий день, встретившись с ним в парикмахерской, Мотылек в нескольких словах изложил ему свои планы на будущее. Дега посоветовал другу срочно раздобыть деньги, потому что бежать без них не было никакого смысла. В тот же день Мотылек организовал встречу с надежным человеком, который вскоре передал ему деньги в специальной алюминиевой капсуле.

Отполированная капсула вмещала в себя 5600 франков в новеньких купюрах, которые собрали для Шаррьера его родные и друзья. Капсула была длиной 6–7 см и толщиной с большой палец. Наверное, стоит сказать о том, что узники хранят такие капсулы с деньгами в надежном «сейфе» – прямой кишке. Для этого они вводят капсулу в задний проход и делают глубокий вдох. После такой процедуры капсула с деньгами и попадает в прямую кишку.

Вскоре Мотылек и Дега заключили взаимное соглашение: Дега помогает ему в подготовке побега и, разумеется, бежит с ним вместе, а Шаррьер будет охранять его на каторге. Дело в том, что Дега сначала не соглашался на побег, собираясь имитировать психически больного, чтобы попасть в лечебницу. Он очень боялся смерти на каторге от рук других заключенных, которые, узнав, что он миллионер (а Дега на самом деле был миллионером), наверняка захотят завладеть его капсулой с деньгами.

Прошло совсем немного времени, и Мотылек узнал, что власти готовят группу заключенных для отправки на каторгу в Гвиану. В планы узника не входил побег из Консьержери, бежать он хотел с каторги, а для этого надо было попасть туда как можно быстрее. Мотылек связался с Дега и передал ему новость: в тюрьме города Кана формируется этап на каторгу, а следующая группа отправится туда только через два года. Друзья связались со своими адвокатами, которые устроили им перевод в тюрьму Кана.

Как и планировал Шаррьер, из тюрьмы города Кана их с Дега отправили на каторгу. По прибытии в Сен-Лоран-дю-Марони, где заключенных должны были отсортировать и отправить на разные острова, Мотылек встретил своего друга Сьерра, который попал на каторгу в 1929 году. «Ты же сел в 1929, а сейчас уже 1933! – воскликнул удивленно Шаррьер. – Почему ты все еще здесь?» «Отсюда не так просто свалить, как ты думаешь, Мотылек, – ответил ему Сьерра. – Я работаю здесь фельдшером. Слушай, запишись больным. Я могу тебе устроить „отдых“ в госпитале». Шаррьер и Дега записались больными, и после осмотра их положили в госпиталь (за определенную плату), как и обещал Сьерра.

Понимая, что их скоро отправят на острова, откуда мало кому еще удавалось бежать, Мотылек стал обдумывать план побега из госпиталя. Вскоре он предложил Дега и еще одному узнику напасть ночью на араба-ключника, открыть двери госпиталя и убежать, предварительно договорившись с одним из бывших каторжников, чтобы тот ждал их у берега с лодкой. Но Дега и Фернандес (так звали еще одного друга Мотылька) категорически отвергли план и, выписавшись из госпиталя, решили действовать самостоятельно. Но Шаррьер не отчаивался и скоро подключил к разработке плана еще двух каторжников, Матюрета и Клузио, которые с энтузиазмом откликнулись на предложение убежать вместе с Мотыль-

ком. Теперь самым главным исполнителем плана побега стал Матюрет – 18-летний красивый юноша с мелодичным голосом и женственной фигурой.

Арабу-ключнику сильно нравился Матюрет, и последнему не составило никакого труда соблазнить его и договориться о следующей встрече. За несколько дней до предполагаемого дня побега Мотылек купил у бывшего каторжника лодку и продукты. Договорившись со стариком, что тот будет их ждать на берегу в определенный день и час, заговорщики приступили к осуществлению последней части своего плана. В один из дней Матюрет встретился с арабом и сказал, что будет ждать его в уборной в 12 часов ночи. Когда парочка отправилась на свидание, Мотылек встал возле двери туалета и стал дожидаться, когда выйдет ключник. Клузио стоял в коридоре. Как только араб вышел из уборной, друзья набросились на него и несколькими ударами свалили на пол. Быстро переодевшись в форму потерявшего сознание ключника, Мотылек еще раз ударил его по голове и, оттащив в палату, запихнул под кровать.

Беглецы под предводительством переодетого Шаррьера направились к выходу. Мотылек постучал в дверь, и открывший ее надзиратель сразу получил удар кулаком по голове. Другой надзиратель спал, и друзья оглушили его. В этот момент пришел третий охранник, который, не успев понять, в чем дело, тоже получил удар по голове. Вооружившись тремя карабинами, беглецы уже через несколько минут были на берегу, где их ждал старик с лодкой. Все шло по плану, если не считать того, что Клузио вывихнул ногу, когда спускался по обрыву к морю. Беглецы донесли его на руках к лодке, прощаясь с бывшим каторжником, получили от него последние наставления и отправились в плавание.

По совету хозяина лодки они решили переждать несколько дней в небольшой бухточке. Это был хитрый ход, так как преследователи наверняка стали бы их искать в открытом море, не предполагая, что беглецы прячутся так близко от места побега.

Вскоре троица прибыла в небольшую бухточку. Спрятав лодку и углубившись в джунгли, беглецы вправили вывих Клузио, наложили на его больную ногу шину и легли спать. Выспавшись, они осмотрели лодку. Оказалось, что старый каторжник их обманул: суденышко было гнилое и на нем ни в коем случае нельзя было отправляться в дальнейшее плавание. Но, к счастью беглецов, через пять дней они встретили в джунглях охотника, который посоветовал им отправиться за лодкой на Голубиный остров, где жили одни прокаженные. Охотник даже вызвался проводить беглых каторжников и, привязав их лодку к своей, помог им причалить к берегу Голубинового острова.

Надо сказать, что прокаженные каторжники, о которых среди узников ходили зловещие легенды, оказались на редкость добрыми и отзывчивыми людьми: по минимальной цене они продали беглецам надежную лодку, продукты и питьевую воду. Друзья решили держать путь в Венесуэлу или Колумбию, так как эти страны не выдавали беглых Франции.

Через неделю морских странствий на горизонте показалась земля. Причалив к берегу, беглецы узнали, что находятся в Тринидаде. Британские власти были не против того, чтобы уставшие каторжники отдохнули у них две с половиной недели, после чего, согласно закону, они должны были покинуть своих гостеприимных хозяев.

По прошествии этого времени беглецы снова отправились в путь. Британские власти попросили их взять с собой еще троих беглых французов, которые потеряли свою лодку во время шторма и теперь им не на чем было покинуть Тринидад. «В противном случае, – сказал начальник полицейского управления Мотыльку, – мы будем вынуждены выдать французскому правительству ваших соотечественников». Шаррьеру ничего не оставалось делать, как согласиться взять с собой еще трех беглецов: Леблону, Каргере и Дюфиса.

Прошло более сорока дней с момента побега заключенных, и неделя со дня отплытия из Тринидада, когда на горизонте показалась земля. Берег был скалистым, и лодка беглецов разбилась о прибрежные камни. В этот раз друзей занесло на голландский остров Кюрасао. Так же как в Тринидаде, на Кюрасао им позволили отдохнуть некоторое время. Снабдив

беглецов новой лодкой и запасом продуктов, голландские власти попросили каторжников покинуть территорию Кюрасао.

Выйдя в открытое море, Мотылек направил свою лодку к Британскому Гондурасу, но прежде он решил выполнить просьбу Леблона, Каргере и Дюфиса и тайно высадить их на колумбийской территории. Беглые каторжники причалили к острову, значившемуся на карте как Риоача, и, высадив своих товарищей, стали ждать попутного ветра, чтобы отплыть в море. Ветра не было около трех часов, и друзья уже стали волноваться, но наконец подул легкий бриз, который понес лодку в открытое море. И тут беглецы заметили, что их преследует катер. Раздались предупредительные выстрелы, и друзья вынуждены были остановиться. На катере находились полицейские, которые, арестовав беглецов, отправили их в тюрьму Риоача. Вскоре Мотыльку и Антонию (с ним он познакомился в тюрьме) удалось бежать. Антонию и Шаррьер обошли все полицейские заставы, а затем разделились. Мотылек решил пройти через земли индейцев-рыбаков в Венесуэлу, а оттуда отправиться на Арубу или в Кюрасао. Товарищ по побегу, указав ему направление, в котором надо было идти, пошел в другую сторону, надеясь укрыться от полиции у родственников, живущих на отдаленной ферме.

Двигаясь в течение нескольких часов вдоль берега океана, Мотылек наконец увидел десяток индейских хижин. Индейцы приняли Шаррьеру в свое племя, и он прожил у них полгода. Он женился на двух индианках, подружился с вождем и колдуном. Но жизнь среди индейцев казалась Мотыльку скучной, и он решил уйти. Его не остановило даже то, что обе индианки были от него беременны. Обещав вернуться, Мотылек тепло попрощался с индейцами и отправился в путь.

Вскоре он снова попал в руки полиции и был заключен в ту же тюрьму, откуда сбежал. Там он встретился со своими друзьями, которые все это время сидели в Риоача, смиренно ожидая, когда их выдадут французским властям. Мотылька отправили в карцер, где он пробыл 29 дней. Через некоторое время всех беглецов перевели в тюрьму города Барранкилья, откуда им предстояло отправиться на французскую каторгу. Вопрос о выдаче шестерки беглецов французским властям был уже решен, и через некоторое время за ними должно было прибыть судно. Мотылек стал вновь планировать побег. К его удивлению, к нему в тюрьму пришел француз Жозеф, который оказался братом его приятеля Дега. Жозеф с энтузиазмом откликнулся на просьбу Шаррьеру помочь ему и его товарищам в осуществлении побега.

Наблюдая во время прогулки за всем, что происходит на тюремном дворе, Мотылек обнаружил слабое место в системе охраны. От каждой сторожевой вышки к углу патрульной дорожки тянулась веревка с привязанным к ней ящиком. Когда часовой хотел выпить кофе, то он спускал ящик во двор, подзывал продавца, который ставил в ящик чашку с напитком. Также узник обратил внимание, что крайняя правая вышка немного выступает во двор: изготовив большой крюк и привязав к его концу крепкую веревку, можно было легко зацепиться за выступ постовой будки. Всего лишь через пару секунд беглец мог оказаться на стене, за которой открывается улица. Правда, в этом плане была одна сложность: как быть с часовым? Неожиданно Мотыльку пришла в голову мысль: «Надо сделать так, чтобы часовой заснул!»

Шаррьер поделился своими планами с друзьями, и те, хоть и понимали, что бежать удастся лишь одному человеку, ничем не высказали недовольствия, а, напротив, стали помогать товарищу. Было решено достать веревку и крюк, а потом, подмешав часовому в кофе снотворное, бежать. Уже на следующий день Мотылек приступил к осуществлению своего плана, предложив часовому отведать кофе по-французски. Тот не отказался, и в течение нескольких дней узник готовил ему крепкий напиток с чайной ложечкой анисового ликера. Часовой был очень доволен, и часто сам обращался к Мотыльку с просьбой приготовить ему кофе по-французски. Еще в начале недели узники поручили Жозефу Дега

достать какое-нибудь сильнодействующее снотворное, и когда тот принес заветную бутылочку, назначили день побега.

В тот день Мотылек снова приготовил часовому кофе по-французски, вылив предварительно в чашечку все содержимое пузырька со снотворным. Но прошло пять, десять, двадцать минут, а результата все не было: охранник прохаживался на своем посту как ни в чем не бывало. Совсем скоро должна была состояться смена часовых, и Шаррьер очень волновался, что не успеет убежать до этого времени.

Но вот охранник сел на стул, и его голова свалилась на плечо. Мотылек уже приготовился бросить крюк, но охранник вдруг встал на ноги и выпустил из рук винтовку. Оружие со стуком упало на доски настила. До смены караула оставалось всего восемнадцать минут... Часовой вдруг нагнулся за винтовкой и в тот же момент упал, растянувшись на дорожке во весь рост. В это время колумбиец (посвященный в планы и вызвавшийся помочь Мотыльку) метнул крюк, но промахнулся. Тогда он сделал еще одну попытку, и на этот раз крюк прочно зацепился. Мотылек уже приготовился лезть на стену, когда Клузио, все это время находившийся рядом и следивший за обстановкой вокруг, сделал ему знак, что идет смена караула. Все было кончено. Шаррьер едва успел отскочить от стены. На его счастье, десять или двенадцать колумбийцев, движимые чувством солидарности, окружили его и дали возможность затеряться среди них.

Конвоир, заступивший на пост, увидел крюк с веревкой и спящего часового и мгновенно оценил ситуацию. Он нажал на кнопку тревоги, будучи уверенным, что кто-то из заключенных бежал. Но после проверки оказалось, что все узники на месте. Часовой же под действием снотворного проспал несколько часов, а придя в себя, рассказал, что его сморило после кофе по-французски, приготовленного для него Мотыльком. Но доказательств того, что именно француз собирался совершить побег, у тюремного начальника не было и, заставив Мотылька ответить на несколько вопросов, он оставил его в покое.

Прошло несколько дней, и Жозеф Дега предложил Мотыльку совершить побег с помощью извне. Разумеется, узник согласился. Дега подкупил электрика, который в назначенный день должен был опустить рубильник трансформатора, находившегося за пределами тюрьмы. Свет на патрульной дорожке должен был погаснуть, создав тем самым благоприятные условия для побега. Мотылек же подкупил двух часовых. Один из них дежурил во дворе тюрьмы, а другой – на улице.

Подготовка нового побега заняла более месяца. Наконец все было просчитано с точностью до минуты. Стоит заметить, что часовых Мотыльку удалось подкупить только с тем условием, что побег совершат лишь двое французов. Одним из них, разумеется, был Мотылек, а другим после брошенного жребия оказался Клузио. К ним решил присоединиться еще один колумбиец, который хотя и знал о том, что в случае появления третьего беглеца часовые откроют стрельбу, все же решил попытать счастья. Он договорился со своим другом, который давно уже прикидывался психически больным, что тот будет в назначенный час побега стучать изо всех сил по металлическому листу. Сотрудники тюрьмы уже давно привыкли к подобным выходкам и совершенно не обращали внимания на стук.

И вот в назначенный день и час погас свет, друзья, услышав грохот, стали пилить решетки своих камер. Через десять минут они выбрались в тюремный двор, переоделись в заранее спрятанные темные рубашки и брюки и быстрым шагом направились к помещению тюремного смотрителя. По дороге к ним присоединился колумбиец.

Забравшись по решетке помещения тюремного смотрителя, устроенного прямо в стене, друзья обошли навес и метнули крюк, привязанный к концу трехметровой веревки. Через несколько минут они успешно добрались до патрульной дорожки на тюремной стене. Когда Клузио лез на стену, то зацепился брюками о железный навес. Мотылек стал вытягивать друга вверх, не обращая внимания на шум, производимый листом железа. Но на

грохот отреагировали не посвященные в планы побега охранники, которые тут же открыли стрельбу. Растерявшись, беглецы прыгнули не туда, куда надо, а на улицу, расположенную ниже общего уровня. Высота стены там была около девяти метров, и, прыгнув, друзья уже не смогли встать на ноги: Клузио сломал ногу, Мотылек получил перелом пяточных костей, а колумбиец вывихнул колено.

Беглецов водворили обратно в тюрьму, где им была оказана медицинская помощь. Теперь Клузио передвигался на костылях, а Мотылька заключенные возили по двору на тележке. Вскоре они узнали из газет, что французский корабль, специально посланный за каторжниками, прибудет в конце месяца. Было уже двадцатое число, и Мотылек находился в отчаянии: «Надо что-то делать, – думал он. – После стольких усилий я не могу вновь вернуться на каторгу. Но со сломанными ногами не очень-то попрыгаешь». И тогда он решил идти ва-банк – взорвать ненавистные стены тюрьмы.

Переговорив через пару дней с Дега, Мотылек попросил его сделать почти невозможное: пронести в тюрьму динамитную шашку, детонатор и бикфордов шнур. Узник посвятил его в свои планы – взорвать среди бела дня тюремные стены. Кроме того, Мотылек попросил Жозефа нанять таксиста, который будет ждать его ежедневно у стен тюрьмы с восьми часов утра и до шести часов вечера. После осуществления взрыва через пролом в стене Мотылька должен был вынести на руках один колумбиец, с которым узник предварительно договорился об этом.

Заплатив одному из сержантов, Мотылек попросил его купить мощный коловорот и шесть сверл по кирпичу. На следующий же день сержант выполнил задание узника, получив за работу отличное вознаграждение. Вскоре Шаррьеру принесли «подарок» от Жозефа Дега – динамит, детонатор и бикфордов шнур. Теперь все было готово, и Мотылек назначил проведение операции на следующий день.

Заключенные, помогавшие беглецу, просверлили в стене отверстие, в которое заложили динамитную шашку. К ней прикрепили детонатор и бикфордов шнур, и через минуту адской силы взрыв заставил вздрогнуть весь квартал. Началась паника. Но в стене повсеместно образовались лишь небольшие трещины и щели, которые не были настолько широки, чтобы через них можно было выбраться на улицу...

Три дня спустя за французами явились двенадцать охранников с кайеннской каторги, которые официально опознали каждого из беглецов. Через месяц корабль с узниками прибыл обратно на каторгу. По прошествии трех месяцев состоялся военный трибунал, по приговору которого беглецов отправили на два года в тюрьму. Каждому из них предстояло отсидеть этот срок в одиночной камере. Каторжники называли эту дисциплинарную тюрьму «пожирательницей людей».

После двухлетнего пребывания в тюрьме Мотылек с трудом стоял на ногах: сказывался недостаток питания и отсутствие свежего воздуха. Матюрет выглядел не лучше, а Клузио даже не мог самостоятельно передвигаться: охранники вынесли его из стен тюрьмы на носилках. Всю тройку сразу же направили в госпиталь, где бедняга Клузио умер через несколько дней.

Выйдя из госпиталя, Мотылек попал на острова Спасения, в барак для особо опасных преступников, которым, кстати, было позволено выбирать себе работу по собственному усмотрению или же совсем не работать. Заключенные, находившиеся в этом бараке, были авторитетами преступного мира, и к ним прислушивались не только остальные каторжане, но даже надзиратели. Мотылек выбрал себе работу ассенизатора. Будучи занятым лишь пару часов ранним утром, узник мог все остальное время делать все, что ему вздумается. Отработав, Шаррьер отправлялся на рыбалку, вечером продавал небольшую часть улова женам надзирателей, а остальную рыбу приносил к общему столу заключенных. Совсем скоро он

вообще перестал ходить на работу, поставив за определенную плату вместо себя другого каторжника.

Целых пять месяцев Мотылек присматривался к окрестностям и, разумеется, вновь планировал побег. Как-то, познакомившись с местным плотником, Шаррьер предложил ему изготовить разборный плот на двоих за 2 тысячи франков. Впоследствии Бюрсе (так звали плотника) отказался от денег, сказав, что не согласился бы делать эту работу даже за 10 тысяч франков, но так как Мотылек один из всех протянул ему руку помощи (некоторое время назад он защитил плотника от заключенных), то и он в свою очередь помогает ему.

По мере изготовления деталей плота заговорщики (на этот раз Мотылек собирался бежать вместе с Матье Карбоньери) с помощью еще двух каторжников отвозили их на кладбище и прятали в заброшенном склепе. Строительство плота продолжалось более месяца, и, когда оставалось отвезти на кладбище последнюю деталь и присоединить ее к плоту, один из каторжников выследил заговорщиков и сообщил о подготовке побега коменданту острова. Накануне планируемой даты побега Мотылек и Карбоньери были задержаны на кладбище за сборкой плота. Впоследствии во время очной ставки с Селье (так звали доносчика) Мотылек убил его ударом ножа.

Шаррьеру опять посадили в дисциплинарную тюрьму, на этот раз на восемь лет... Известно, что в «пожирательнице людей» еще ни один человек не выдерживал такого срока. Но через год в тюрьме произошло нечто неожиданное: всех узников осмотрел врач. От недостатка витаминов заключенные страдали цингой, и доктор назначил им витаминную диету и прогулки на свежем воздухе. Теперь ежедневно около двух часов заключенные прогуливались в тюремном дворе. Как-то раз в тюрьму приехал губернатор. Обходя камеры, он разговаривал с узниками, выслушивая их просьбы и жалобы. Когда он вошел в камеру Мотылька, надзиратель отрапортовал: «У этого самый большой срок – восемь лет». «Как вас зовут? – спросил губернатор. – И за что сидите?» «Шаррьер, – ответил Мотылек. – Сiju здесь за кражу государственного имущества и за убийство».

«Вы хотите что-нибудь сказать?» – продолжал спрашивать узника губернатор. «Да! – громко сказал Шаррьер. – Этот бесчеловечный режим не достоин такого народа, как народ Франции». Губернатор не ожидал такой смелой речи и удивленно произнес всего лишь одно слово: «Почему?» «Да потому, – не унимался Мотылек, – что узники здесь живут в абсолютном молчании. Нет прогулок и до недавнего времени никакого лечения не было».

Помолчав, губернатор кивнул Мотыльку и неожиданно сказал: «Держись, парень! И может быть, если я еще буду губернатором, вы будете помилованы».

С этого дня по распоряжению губернатора и главного врача заключенные стали гулять по часу в день и купаться в море, в бухточке, похожей на бассейн, защищенной от акул большими каменными глыбами. Во время этих прогулок жены и дети надзирателей не должны были выходить из дома, чтобы не столкнуться с купающимися голышом каторжниками.

Как-то раз, поднимаясь после купания наверх, Мотылек оказался в последней шеренге заключенных. Внезапно он услышал отчаянный женский крик: «Спасите! Моя девочка тонет!» Оглянувшись, узник увидел, что на причале, который представляет собой бетонированный откос, стоит женщина и иступленно кричит, указывая рукой на море. Потом всюду раздались испуганные возгласы «Акулы!». Последовало еще два выстрела, и Мотылек, не раздумывая, оттолкнул охранника и побежал к причалу, где столкнулся с двумя обезумевшими от страха женщинами и несколькими надзирателями.

«Прыгайте в воду! – кричала одна из женщин. – На моего ребенка сейчас набросятся акулы! Я не умею плавать, а то бы сама поплыла. Боже, какие трусы!» Один из надзирателей, порываясь было броситься к тонущей девочке, зашел по пояс в воду и тут же выскочил обратно на берег. «Там акулы!» – растерянно сказал он матери тонущего ребенка и разрядил свой револьвер в сторону приближающихся к девочке акул.

Мотылек увидел, что девочка в светло-голубом платье барахтается на поверхности воды и ее медленно относит морским течением прямо к месту, где кишат акулы. «Не стреляйте!» – крикнул Шаррьер надзирателям и бросился в воду. Когда Мотыльку оставалось доплыть до девочки несколько метров, неожиданно появилась патрульная лодка. Судно приблизилось к девочке, и охранники подняли ее на борт. Через несколько минут на ее борту оказался и отважный узник, плакавший от бессильной ярости, ведь получилось, что он рисковал своей жизнью впустую. Так думал Мотылек в тот момент, но через месяц мать девочки ходатайствовала перед комендантом о его освобождении из тюрьмы.

Итак, отсидев девятнадцать месяцев в дисциплинарной тюрьме, Шаррьер вновь оказался на острове Руаяль, где встретился со своими друзьями Дега, Карбоньери и Матюретом. Кстати, его появление на Руаяле произвело эффект разорвавшейся бомбы. Еще бы! Никто не ожидал увидеть Мотылька на острове раньше чем через восемь лет. После дружеских объятий и восторженных возгласов к Шаррьеру подошел один из авторитетов и сказал: «Мы все поражены твоим мужеством, Мотылек. Теперь, когда ты снова здесь, можешь рассчитывать на любого из нас. Никто тебе ни в чем не откажет, даже в самом опасном деле». Мотылек, поблагодарив всех за поддержку, отправился к коменданту.

Комендант вновь назначил Шаррье́ра ассенизатором с правом ловить рыбу, кроме того, он теперь стал выполнять работу погонщика буйволов. Такие занятия устраивали Мотылька: передвигаясь безнадзорно по острову, он мог снова начать подготовку к побегу. Впоследствии в своих воспоминаниях Шаррьер писал: «Жизнь на островах опасна тем, что создает ложное ощущение свободы. Я почти физически страдаю, глядя, как другие устраиваются здесь всерьез и надолго и живут беспечные и довольные. Одни ждут конца заключения, другие ничего не ждут и пускаются во все тяжкие... Да, я сам виноват в том, что вновь оказался здесь, но теперь я должен думать лишь об одном: бежать! Бежать или умереть!»

Через некоторое время Мотылька перевели в Сен-Жозеф. В то время во Франции велись боевые действия, и на островах по этой причине были введены строгие меры взыскания: начальник смены, допустивший побег заключенного, подлежал увольнению, а для каторжников, пойманных при попытке к бегству, предусматривалась смертная казнь. Дело в том, что в связи с событиями в стране побег рассматривался как попытка присоединиться к свободным французским соединениям, которые обвинялись в предательстве национальных интересов.

Оказавшись на строго охраняемом острове Сен-Жозеф, Мотылек поселился в бараке для особо опасных преступников, жители которого были связаны с криминальным миром. Комендант острова оказался крестным отцом той девочки, которую Мотылек пытался спасти от акул. Поговорив с ним, узник дал обещание, что за те восемнадцать месяцев, которые осталось служить военному, он не убежит, дабы оградить коменданта от неприятностей.

Мотылек сдержал свое обещание и не делал никаких попыток к бегству все время, пока комендант выполнял свой долг на Сен-Жозефе. У него были совсем иные планы, потому что бежать он собирался из больницы, куда устроился работать фельдшером его друг Сальвидиа (они намеревались убежать вместе). Так как устроиться на работу в эту лечебницу Шаррьер не мог, то у него возникла идея симулировать психическое расстройство. Причем в свои планы он посвятил лишь Сальвидиа, в то время как остальные каторжники были уверены, что Мотылек заболел на самом деле. Это был хитрый ход, потому что если бы Шаррьер сам обратился к врачу, то тот легко уличил его в обмане; инициатива отправки Мотылька в больницу должна была исходить от других заключенных.

В тюремной библиотеке никакой литературы по психическим заболеваниям не оказалось, но Мотылек, наведя некоторые справки, выяснил, что у людей, которые когда-либо лечились у психиатра, были следующие симптомы: головные боли, шум в ушах и постоянное беспокойство. Шаррьеру оставалось теперь проявить эти симптомы, не жалуясь на них

впрямую. «Мое сумасшествие должно быть в достаточной мере опасным, чтобы вынудить врача принять решение о направлении в психушку, – писал в своих воспоминаниях Мотылек, – однако не настолько серьезным, чтобы дать повод к применению жестких методов лечения... Я не должен сам замечать свою болезнь. Будет лучше, если на нее обратит внимание кто-то другой».

Трое суток Мотылек не спал, не умывался, не брился и почти не ел. По прошествии этого времени он неожиданно спросил у своего соседа, зачем тот украл у него фотографию (разумеется, никакой фотографии не существовало). Сосед клялся всеми святыми, что даже не дотрагивался до вещей Шаррьера, а затем перешел спать на другое место – подальше от Мотылька. На следующий день симулянт подошел к котлу с супом, который принес раздатчик, и на глазах у всех помочился туда. В бараке создалось неловкое положение, но, очевидно, безумное выражение лица узника так поразило присутствующих, что никто не сказал ему ни слова. Лишь один из каторжников удивленно спросил Шаррьера: «Почему ты это сделал, Мотылек?» «Потому что его забыли посолить», – безумно улыбаясь, ответил «сумасшедший», после чего как ни в чем не бывало пошел со своей миской к старосте барака с просьбой налить ему супу. Все заключенные, затаив дыхание, смотрели, как Мотылек с аппетитом ел свой суп.

Этих двух случаев оказалось достаточно, чтобы на следующий день «больного» Шаррьера вызвали к врачу. «Все ли у вас в порядке, доктор?» – ошарашил врача Мотылек еще с порога. «У меня-то в порядке, – ответил ему доктор. – А вот ты, видимо, заболел?» Мотылек, разумеется, стал говорить, что совершенно здоров, и собрался уже уходить, но врач настоял, чтобы он остался, и мягко попросил Мотылька позволить ему произвести осмотр. Доктор стал изучать глаза «больного» с помощью лампы, дающей узкий пучок света. «Ты не нашел, доктор, что искал? – спросил Шаррьер. – Свет в твоей лампе недостаточно яркий, чтобы увидеть их? Или ты делаешь вид, что не видишь?» Доктор удивился: «Кого, Анри?» «Не строй из себя идиота! – раздраженно воскликнул Мотылек. – Не собираешься же ты сказать мне, что не успел их рассмотреть?»

Врач приказал охранникам немедленно госпитализировать больного, обратился к выражавшему всем своим видом недоумение Мотыльку: «Ты сказал, что здоров. Может, так оно и есть, но ты очень устал, и я помещу тебя на несколько дней в госпиталь, чтобы ты смог отдохнуть».

Итак, в первом раунде Мотылек одержал победу. Теперь оставалось и дальше вести себя в том же духе, дабы врачи, работавшие в госпитале, не сомневались в его помешательстве. После успешного симулирования душевного расстройства Мотылька перевели из госпиталя в специализированную лечебницу для душевнобольных. Вскоре Шаррьер встретился там с Сальвидиа, и друзья назначили день побега. Они решили отправиться в плавание на бочках, которые лежали в кладовой. Накануне побега Сальвидиа должен был опорожнить одну из бочек (в ней был уксус), а другую, которая была заполнена подсолнечным маслом, они решили оставить полной (на море был шторм, и друзья надеялись с помощью масла уменьшить волнение при спуске бочек на воду).

Ночью Сальвидиа открыл двери палаты Мотылька, и беглецы проникли в кладовую, откуда выкатили две бочки. Выбравшись из лечебницы, друзья отправились к скалистому спуску. Катить бочку, наполненную маслом, было очень трудно, поэтому беглецы вылили масло и, добравшись наконец до моря, связали две бочки вместе. При спуске «судна» на воду их накрыла огромная волна. Сальвидиа и Мотылька раскидало в разные стороны, а бочки разбились о скалы. С трудом выбравшись на берег, Шаррьер стал звать своего друга, но тот не отвечал. Несколько часов Мотылек пытался найти Сальвидиа, а потом стал обдумывать, что ему делать дальше. Он решил незаметно вернуться в палату: надо было сделать вид, что ничего не случилось.

Пробравшись к лазарету, он незаметно проник в свою комнату и лег спать, предварительно выпив две таблетки снотворного. Через несколько дней из разговора с санитаром-каторжником Мотылек узнал, что, когда обнаружилось отсутствие Сальвидиа и разбитые бочки на берегу, в лагере поднялся переполох, большей частью из-за вылитого масла и уксуса: время было военное, и запасы больницы пополнялись очень редко. Кстати, начальство было убеждено, что Сальвидиа хотел бежать в одиночку. Стоит добавить, что тело отважного каторжника так и не нашли: то ли его унесло далеко в море, то ли оно было растерзано акулами...

Получилось, что Мотылек напрасно столько времени изображал из себя душевнобольного. Несколько дней он ходил в подавленном настроении, а потом принял решение, что теперь ему во что бы то ни стало надо поскорее «выздороветь», чтобы попасть в лагерь и бежать оттуда. Чтобы не вызывать подозрений, Шаррьер стал «выздоровливать» постепенно и в результате убедил врачей в нормализации своего душевного состояния. Вскоре его перевели на остров Дьявола – самый маленький и самый открытый для ветров и волн из островов Спасения. Считалось, что сбежать с острова Дьявола невозможно.

В день прибытия на остров к Мотыльку подошел старший надзиратель. «Я знаю, – сказал он, – что вы постоянно настроены на побег, но, так как отсюда бежать невозможно, я могу не беспокоиться».

Шаррьер был обязан ежедневно давать корм свиньям, а после выполнения работы мог делать все, что ему вздумается. Он целыми днями бродил по острову в сопровождении каторжника-китайца, который хорошо знал окрестности и вызвался быть у Мотылька гидом. На северной оконечности острова, на высоте более 40 м над уровнем моря, лежал большой камень, называемый скамьей Дрейфуса. Старые каторжники утверждали, что здесь некогда сидел бывший капитан французского Генштаба Дрейфус (его обвинили в шпионаже и приговорили к пожизненной каторге) и смотрел на море в том направлении, где находилась Франция, для которой он стал изгоем.

К тому времени, когда Мотылек попал на остров Дьявола, ему исполнилось тридцать пять лет (шел 1941 год). Он находился в заключении уже 11 лет, проведя лучшие годы своей жизни в одиночной камере или в карцере. За это время у него было всего лишь полгода полной свободы, которые он провел среди индейцев-рыбаков. Детям, которые родились от двух его индейских жен, было уже по восьми лет. Находясь в заключении, Мотылек часто вспоминал свой удачный побег из Риоача и жалел о том, что покинул гостеприимное племя индейцев. Если бы он тогда этого не сделал, то его жизнь могла бы сейчас быть совсем иной...

Размышляя часами на скамье Дрейфуса, Мотылек сделал неожиданное открытие: внизу, прямо под скамьей Дрейфуса, волны, накатывающиеся на скалу, опадают и откатываются назад. Причем их многотонные громады не дробятся, потому что проникают между двумя вершинами в виде подковы шириной в шесть метров. Мотылек стал размышлять: «Если в момент опадания волны и отхода ее назад решительно броситься со скалы и удержаться на плаву, то волна обязательно вынесет меня в море».

Первое, что решил предпринять Шаррьер, – это произвести пробный спуск. Он договорился с китайцем Чангом, что тот поможет ему в проведении испытаний. Притащив к спуску огромный джутовый мешок, наполненный кокосовыми орехами, друзья сбросили его в море и стали ждать. Вскоре мешок вернулся к берегу на гребне огромной волны высотой семь или восемь метров. С огромной силой волна бросила мешок на скалу, чуть левее того места, откуда он был сброшен.

Все время пока друзья шли до лагеря, китаец отговаривал Мотылька от задуманного, утверждая, что бежать с острова Дьявола еще не удавалось никому. «Мне удастся», – упорно стоял на своем Шаррьер.

Со следующего дня Мотылек опять стал часами просиживать на скамье Дрейфуса. Он внимательно наблюдал за волнами и выяснил, что девятый вал, который вдребезги разнес мешок с кокосами и высота которого в два раза больше остальных волн, по счету лишь седьмой. Несколько дней подряд он проверял правильность своего вывода: нет ли сбоев в чередовании волн. Но ни разу девятый вал не пришел раньше или позже. Сначала шли шесть волн подряд с высотой около шести метров, а затем в трехстах метрах от берега образовывался девятый вал, напоминающий по форме букву I. Приближаясь к берегу с характерным гулом, эта волна увеличивалась в высоте и объеме, а когда налетала на двойную скалу, то устремлялась в узкое пространство между ее вершинами и ударяла в отвесный берег. Некоторое время она кружилась, запертая в тесном промежутке, а затем устремлялась назад, унося с собой в море громадные валуны.

Мотылек снова решил провести испытание. Он наполнил мешок кокосами и положил туда камень весом около 20 кг. Как только опал девятый вал, узник швырнул мешок в море. К его неопишуемой радости, мешок не вернулся. Дело в том, что пять последующих волн не были настолько мощными, чтобы выбросить его обратно, а когда появилась седьмая волна (девятый вал), мешок уже преодолел ее место образования.

Вернувшись в лагерь, Мотылек рассказал о своей удаче Чангу, и тот обещал ему помочь в новых испытаниях, более приближенных к реальности. Друзья решили бросить в воду два крепко связанных между собой мешка с кокосами, к которым дополнительно будет привязан семидесятикилограммовый груз.

Вскоре каторжники назначили день испытаний. В десять часов утра они сбросили мешки с грузом со скалы и стали напряженно всматриваться в море. Шесть волн, следующих за девятым валом, не принесли мешки обратно к берегу. Теперь оставалось дожидаться последней, самой громадной волны (Чанг и Мотылек волновались, что мешки не успеют вовремя пройти место ее образования). Но все опасения были напрасными, потому что, всматриваясь в море, узники увидели, что мешки находятся на довольно большом расстоянии, перемещаясь на гребне волн, которые не идут к острову, а катятся на восток. Таким образом, проверка дала положительные результаты, и в тот же день Мотылек принял окончательное решение: покинуть остров Дьявола на гребне волны.

Вскоре на остров Дьявола перевели Сильвена, давнего друга Мотылька. Шаррьер позвал Сильвена к скамье Дрейфуса и показал ему испытания с мешком, после чего посвятил друга в свои планы побега. Обдумав все за и против, Сильвен согласился бежать с ним вместе. Мотылек предполагал, что на мешках с кокосами им придется плыть не более 150 км, после чего течением их прибьет к Большой земле. Они решили продвигаться через джунгли к китайскому лагерю Инини, где находился в заключении брат Чанга. По словам Чанга, его брат Куик-Куик должен был помочь беглецам в приобретении лодки и продуктов, а затем бежать вместе с ними.

Кроме того, Чанг предупредил Мотылька и Сильвена, что берег джунглей, куда их должно прибить течением, илистый. «Вам ни в коем случае нельзя ступить на этот ил, потому что он очень опасный и вы погибнете, – говорил китаец. – Дождитесь другого прилива, который подтолкнет вас до джунглей. Хватаясь за лианы и ветки деревьев, вы доберетесь до твердой земли».

Мотылек и Сильвен приступили к строительству плотов. Мешки они сделали двойными, чтобы увеличить их прочность. Чанг приготовил для беглецов по десяти кокосов, сочная мякоть которых должна была утолять во время плавания как голод, так и жажду. Кроме того, друзья с помощью Чанга вынесли со склада два топора, похожих на мачете, и два ножа.

Побег был назначен на воскресенье на десять часов вечера, потому что в этот день было полнолуние и вода должна была подняться на восемь метров. Около девяти часов вечера друзья вышли из барака. На них никто не обратил внимания, видимо думая, что они собра-

лись на ночную рыбалку. Выбравшись из лагеря, они направились на северную оконечность острова, где в гроте у них были спрятаны плоты и припасы. Втащив с помощью Чанга плоты на скалу, беглецы стали ждать девятый вал.

Через тридцать минут ожидания они наконец увидели громадную волну. Когда она разбилась о скалы и стала откатываться назад, державшиеся крепко за плоты Мотылек и Сильвен бросились вниз и менее чем за пять минут оказались на расстоянии около 300 метров от берега. Еще через несколько минут они благополучно миновали опасную зону, где образовывались шедшие к острову Дьявола волны. Друзья, находившиеся на своих плотах на расстоянии 50 метров друг от друга (впереди плыл Сильвен), устремились в открытое море.

Почти сорок часов беглецы плыли на мешках в открытом море, пока наконец не увидели на горизонте верхушки деревьев. Через несколько часов волны вынесли плоты на илистый берег. Было время отлива, и «суда» сидели на мели, откуда их мог освободить только прилив, до которого оставалось два-три часа. Помня наставления Чанга, Мотылек решил даже и не пытаться ступить на опасный ил, а дожидаться момента, когда его плот вместе с приливом продвинется вплотную к джунглям.

Мотылек находился приблизительно в 500 метров от джунглей, а Сильвен, которого прибило к берегу метрах в ста правее, несколько ближе. Шаррьер встал на плот и помахал рукой своему другу, а тот стал что-то кричать ему, но из-за шума ветра и волн ничего не было слышно. И тут Мотылек, к своему ужасу, увидел, что Сильвен сошел с плота и, обернувшись в сторону товарища, стал делать ему какие-то знаки руками. Мотылек попытался крикнуть, чтобы он немедленно возвращался на плот, но не смог: в горле пересохло и не получалось выдать из себя ни одного звука. А Сильвен тем временем отошел от плота на довольно большое расстояние и увяз в иле, под тонкой коркой которого была жидкая грязь.

Услышав его отчаянный крик о помощи, Мотылек лег животом на мешки и начал изо всех сил грести, погружая руки в ил. Плот сдвинулся с места, и ему удалось продвинуться вперед метров на двадцать. Встав на мешки, Шаррьер увидел, что его друг уже увяз в иле по пояс. Видимо, страх вернул Мотыльку голос, потому что неожиданно он закричал довольно громко: «Сильвен! Стой на месте! Ложись спиной на ил и, если сможешь, вытащи ноги!» Сильвен, услышав крик, кивнул головой, а Шаррьер снова лег на мешки и, цепляясь руками за ил, постарался продвинуться вперед.

Прошло около часа, и Мотылек сумел сократить расстояние до Сильвена до 50 метров. Он снова встал на свой плот и увидел, что его друг стоит на том же месте, погрузившись в ил по пояс. Мотылек продолжал упорно грести, надеясь спасти своего товарища. Начался прилив, и Шаррьер, зная, что вода разжижает ил, старался двигаться как можно быстрее. Через некоторое время он опять посмотрел в сторону Сильвена и, к своему ужасу, увидел, что тот увяз в иле уже по грудь. Когда расстояние между друзьями сократилось метров до тридцати, прокатился огромный вал, который накрыл Мотылька с головой и бросил его плот на пять-шесть метров вперед. Как только волна отошла, он взглянул в сторону Сильвена. Его там не было... Ил, покрытый тонким слоем воды и пены, представлял собой абсолютно ровную плоскость... Сильвен сбегал с каторги, прыгнув со скалы, преодолел все тяготы опасного плавания на мешках по открытому морю. И все для того, чтобы умереть в трехстах метрах от обетованной земли. Умереть свободным!

Через несколько часов Мотылька прибило к спасительным джунглям. Зацепившись за лиану, он ступил на твердую землю и, пока не село солнце, постарался как можно дальше углубиться в девственный лес. Когда стемнело, он устроился на ночлег в развилке поваленного дерева, а утром отправился в путь. Во второй половине дня он вышел на узкую тропинку и, опасаясь заблудиться в джунглях, решил продвигаться по ней.

Еще находясь на острове Дьявола, Мотылек планировал напасть в джунглях на первого встречного и под угрозой смерти заставить того провести его в окрестности лагеря Инины,

где живет брат Чанга. Он решил не менять планов и, повстречав на четвертый день своих странствий по джунглям охотника-негра, напал на него, обезоружил и приказал вести его к лагерю китайцев. «Если ты выполнишь мой приказ, то получишь назад свое ружье. Кроме того, я заплачу тебе 500 франков. В противном же случае я тебя убью». Несмотря на то что Мотылек напал на него и под угрозой смерти заставлял помогать, охотник, который назвался Жаном, явно симпатизировал беглому каторжнику, весть о побеге которого уже к тому времени дошла до Большой земли. Он слышал об отважном Мотыльке и сказал, что согласен помогать ему даже бесплатно. «Не следует бояться, что я выдам вас, господин Мотылек, – сказал негр. – Я ведь католик, и мне больно видеть, как надзиратели обращаются с заключенными на каторге...» «А я, Жан, – со вздохом сказал Мотылек, – пытаюсь начать жить заново. Похороненный заживо более десяти лет назад, я постоянно стремлюсь совершить побег, чтобы в один прекрасный день стать таким, как ты, – свободным человеком, семьянином, никому не причиняющим зла даже мысленно». «Я сделаю все, чтобы помочь вам, – с горящими глазами произнес охотник. – Честное слово!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.